

79
Б. 516

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ЭКСПЕДИЦИИ
ЭРМИТАЖА

Выпуск II

А. Н. БЕРНШТАМ

КЕНКОЛЬСКИЙ
МОГИЛЬНИК

ЛЕНИНГРАД

1940

АРХИВ

Киргиз. ССР

№ 500

21/IV 1941 г.

70 2
1947

Археологические экспедиции

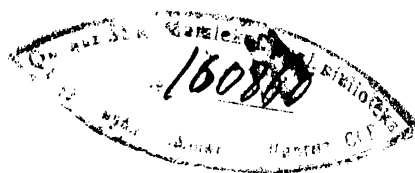
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

K-09
5516

Выпуск II

А. Н. БЕРНШТАМ

КЕНКОЛЬСКИЙ МОГИЛЬНИК

ЛЕНИНГРАД 1940

По поручению Государственного Эрмитажа и Института Истории Материальной Культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР в 1939 г. были произведены раскопки древнего могильника в верховьях р. Талас на территории сельского совета Долоно, Таласского района Киргизской ССР.

Могильник был открыт в 1938 г. археологической экспедицией упомянутого Института и Комитета Наук при СНК Кир. ССР под руководством А. Н. Бернштама. В 1938 г. были раскопаны четыре кургана. Во время экспедиции 1939 года были раскопаны еще восемь курганов, давшие исключительно интересную коллекцию, ныне хранящуюся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа. В раскопках, проведенных под руководством автора настоящей работы, принимали участие сотрудники Института Л. Г. Розина, М. В. Луппиан, И. В. Щербаков и студенты Археологического Отделения Исторического факультета Ленинградского Государственного Университета И. К. Бенедиктов, Е. И. Агеева и Г. Л. Михельс.

Научная обработка материалов для издания проведена автором при непосредственном участии Л. Г. Розиной, М. В. Луппиан и И. В. Щербакова, выполнивших работу по разбору коллекций и составлению описи находок. За оказанную ими помощь автор приносит свою глубокую благодарность.

1. РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА И НАХОДКИ В КАТАКОМБАХ

1. ОБЩИЕ ДАННЫЕ

Кенкольский могильник имеет около шестидесяти зарегистрированных планом курганов (вообще курганов гораздо больше). Он расположен у самого входа в долину р. Кенкол, правого притока р. Талас. Река Кенкол берет свое начало на южных склонах Киргизского Алатау, течет на восток, а затем, резко повернув из ущелья Ова, вытекает в прекрасную долину р. Талас (табл. I). Долина Кенкола сплошь занята курганами древних кочевников. Недалеко от исследованного могильника (в 2—3 км) по долине р. Кенкол около ущелья Бурдо расположен сарматского типа могильник III—I вв. до х. э., по культуре сходный с усуньскими могильниками Чуйской долины и Иссык-куля,¹ с могильником той же эпохи на оз. Бийли-куль около ущелья Берккара.² В 1,5—2 км от могильника около ущелья Бурдо расположен могильник древних тюрок VI—IX вв. х. э. — Терскульская группа курганов. По ущелью Ова встречаются писаницы и другие древние памятники.

Кенкольский могильник расположен в непосредственной близости от одинокой небольшой горы, представляющей выход коренной породы. Эту гору народные сказания связывают с ге-

¹ М. Воеводский и М. Грязнов, Усуньские могильники на территории Киргизской ССР, ВДИ, № 3 (4), 1938.

² А. Бернштам, Археологические работы в Казахстане и Киргизии 1936—1938 гг., ВДИ № 4 (9), 1939.

роем киргизского эпоса—Манасом (табл. II). На ее вершине имеются следы каменной кладки, на южном обрыве высечена арабская надпись с непонятным содержанием. На восточном склоне этой горы, носящей название «Манас-супа» (т. е. «Сторожевая башня Манаса»), расположена часть курганного могильника, на западном ее склоне имеется гумбез (мавзолей), приписываемый Манасу.¹

Курганник не имеет определенного плана. Расположенный по обе стороны седловинки, образованной низкими отрогами Киргизского Алатау и упомянутой горой «Манас-супа», он занимает сравнительно небольшое пространство — до 200 м в наибольшем меридиональном протяжении. Курганы, здесь расположенные, — примерно одинаковых размеров: 15—20 м в диаметре при 0,80—1 м высоты. Насыпи все земляные, сравнительно мягкие, в виде сегмента шара. В силу рельефа местности (скаты гор) одна сторона насыпи выше другой. Несколько отличаются, по характеру насыпи, курганы восточной части могильника, где в земляной насыпи видны каменные выкладки. В противоположность земляным насыпям каменные насыпи имеют более или менее выраженные западины в центре.

Экспедицией раскапывались только курганы с земляными насыпями. Нумерация раскопанных курганов согласована с курганами, исследованными в 1938 г. Таким образом в 1939 г. раскапывались №№ 1, 2, 5, 6, 7, 8, 9, 10 — всего восемь курганов (табл. III).

Аналогичные курганы исследовал в 1898 г. финляндский археолог Г. Гейкель, раскопавший на территории между ущельями Беш-Таш и Калба свыше десяти такого типа насыпей.² При описании коллекций 1939 г. мы будем привлекать как материал из раскопок Гейкеля в 1898 г., так и наши находки 1938 г., когда было раскопано четыре подобного типа кургана.

2. ОПИСАНИЕ ВСКРЫТЫХ КАТАКОМБ

Всего в 1939 г. были раскопаны восемь курганных насыпей, из которых в семи оказались катакомбы с захоронениями. В одной насыпи

¹ См. прим. 2 на стр. 4; ср. Б Денике, Архитектурный орнамент Средней Азии, М. 1939, стр. 102 и сл.

² H. Heikel, *Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan*, *Travaux Ethnographiques*, VII, Helsinki, 1918.

(кург. № 1) кроме черепка и углей ничего не было найдено. Ниже мы приводим описание результатов раскопок каждого кургана. Описание раскопок курганов №№ 1, 5, 6, 7, 8, и 10 сделано Л. Г. Розиной, № 2 и № 9 — М. В. Луппиан.

Курган № 1. Диаметр с востока на запад — 11,40 м, с севера на юг — 13 м. Наибольшая высота на юге — 1,31 м. В насыпи, на глубине 0,80 м, в южной части кургана найден фрагмент черного грубого сосуда. Под дерновым слоем в центре кургана находилась небольшая группа камней средней величины; под ней, на глубине 1,80 м — небольшое количество древесного угля. Несмотря на снятие всей насыпи кургана до глубины 2 м и шурфовки около 3 м, не было обнаружено ни дромоса, ни катакомбы, никаких вообще следов захоронения. Повсюду под насыпью находилась нетронутая материковая почва.

Курган № 2. Диаметр 14 м, высота по отношению к северной плоскости горизонта — 0,70 м, по отношению к южной — 1,34 м (табл. IV). На вершине кургана была еле заметна впадина. В насыпи кургана, на глубине 0,48 м, был найден фрагмент вертикальной угловой глиняной ручки с частично сохранившейся закраиной; поверхность имеет красное лощение; тесто плотное, хорошего обжига. На глубине 0,70 м найден фрагмент неполнового сосуда, тесто — с большой примесью дресвы, рыхлое, плохого обжига, в изломе черное. На глубине 0,80 м найдено небольшое количество древесного угля. Дромос был открыт в южной части кургана на глубине 1,80 м, длина дромоса 3,45 м при ширине 0,91 м и 0,63 м, пол дромоса на глубине 3,80 м с наклоном к входу в катакомбу. Размеры входа в катакомбу 0,60 × 0,56 м. В конце дромоса, у входа в катакомбу был завал из каменных плит, глубина завала 1,10 м (средний размер плит 0,50 × 0,70, толщина 8—10 см). У входа в катакомбу была найдена фаланга пальца с пятном медного окисла и деревянный заостренный с одного конца клин; аналогичный клин был найден внутри катакомбы. Катакомба — овальная в плане, с сферическим потолком, размер ее 2,80 × 1,80 м, высота 1,20 м. Катакомба до потолка была засыпана мягкой лессовой землей. На глубине 0,78 м от центральной части свода катакомбы начался слой, насыщенный находками. Были открыты два костяка — мужчины и женщины в возрасте от 40 до 60 лет; костяки находились в сильно перемешанном состоянии. Далее найдены три куса деревянного столика с 4-мя ножками (столлик сделан из цельного куска дерева), под столиком деревянная чашка с остатком ручки (диам. 0,12 м) (табл. XVI); мелкие куски деревянных древок стрел, три сильно деформированных железных наконечника стрел, два из них с остатками деревянного древка; одно древко, с выемкой на конце, сохранилось целиком; длина древка стрелы с наконечником 0,81 м. Один кусочек древка имеет обломок железного черенка. Кроме того были найдены: несколько бесформенных фрагментов железа, деревянная лука (?) от седла с шестью просверленными насквозь дырочками (табл. XXVI), кусочки от небольшого деревянного сосулика с двумя скрепами из медной проволоки. В восточной части катакомбы попадались мелкие кусочки угля и пепла.

Курган № 5 (табл. V). Диаметр 13 и 14 м. Высота с востока 1,10 м, с запада 0,30 м.

Катакомба оказалась разрушенной — упал потолок, который настолько деформировал погребение, что с большим трудом прослеживались контуры стен и то только у стыка их с полом. Предполагаемые размеры катакомбы: 2,30 × 1,60, при высоте в 0,90 м.

Вместе захоронения, на глубине 3,45 м, обнаружен костяк мужчины 50—60 лет с деформированным черепом, лежавший головой на юг. Над скелетом, начиная с глубины 2,40 м, найдены: фрагменты (табл. XVI)

полукруглой деревянной чаши — тарелки (диам. 0,25 м, толщ. стенок 1—1,4 см, выс. 5,5 см), три костяных наконечника стрелы, длиной в 9,5 см (с черенком) и шириной в 1,5 см, плоские в сечении, в плане слегка овальные (табл. XXIХ); следы шелковой ткани с затканным геометрическим узором; фрагменты курильницы, из слабо обожженной глины на ножке; деревянное пряслице (диам. 3,5 см, толщ. 1 см) (табл. XXXV); круглая окислившаяся медная пронизка, диам. 8 мм; фрагменты керамики — кувшины с вертикальной квадратной ручкой, фрагменты сосудов с волнистым орнаментом и др. В насыпи, на глубине около 1 м, были найдены фрагменты кувшина с высоким, узким горлом, вертикальной ручкой и врезным геометрическим орнаментом, расположенным пояском на низу горловины.

К у р г а н № 6. Диаметр 10,55 м и 8,10 м. Вытянут с юга на север. Наиболее крутой склон на востоке, выс. 1,14 м. Под растительным слоем сразу наметились группа каменной выкладки. Среди камней найдены фрагменты глиняного сосуда черного теста с примесью дресвы. На сравнительно небольшой глубине в 1,40 м наметился дромос, весь заваленный камнем. Направление дромоса — с юга-запада на северо-восток; длина — 2,50 м; ширина в начале 0,80 м; у входа в катакомбу 1,30 м. Дно дромоса, постепенно понижаясь, на глубине 2,20 м подходит к входному отверстию катакомбы (размером 0,50 × 0,50 м), прорытому в северо-западной отвесной стене дромоса (табл. VI).

Катакомба, овальная в плане, размером 2,15 × 1,12 м при высоте 0,81 м. В ней обнаружены сильно перемешанные костяки: мужчины 20—25 лет, женщины 20—25 лет и двух детей — одного в возрасте около года, другого 20 месяцев. Черепа взрослых находились в восточной половине катакомбы среди наибольшего нагромождения костей скелетов. Череп одного ребенка был в центре катакомбы, кости разошедшегося по швам второго черепа были разбросаны в западной части катакомбы и около первого детского черепа. Все черепа были деформированы, особенно сильно череп 20-ти месячного ребенка. В мягкой засыпи катакомбы, кроме того, обнаружены части деревянной люльки (табл. ХХ), состоящей из двух дуг, высотой 36 см, двух продольных досок с прорезями для поперечных пяти досочек (найдено 4); длина люльки — 70 см, ширина — 37 см. Найдено также деревянное блюдо — тарелка, (диам. дна — 10 см, диам. сверху — 22 см., выс. — 4,8 см) (табл. XVI); черный горшок (выс. 10,5 см, диам. дна 8,1 см, диам. устья 9,5 см), на плечиках его налепные шишечки; нижняя часть (дно и часть тулова) цилиндрического сосуда (диам. дна 11 см) серого теста с значительной примесью дресвы; сумак из кости (дл. 16,3 см) с прорезанным отверстием (табл. XXI); фрагмент сильно окислившегося предмета в виде маленькой подковки (шир. 2,5 см, выс. 1,5 см).

К у р г а н № 7. Диаметр насыпи с юга на север — 10 м, с востока на запад 12,10 м (табл. VII).

Полы кургана круты на севере — 1 м выс. — и пологи на юге — 0,37 м выс. Под дерновым слоем — мелкие камни, под ними на глуб. около 1 м — большая группа крупных тесанных камней (табл. XII). В юго-восточной части кургана, на глуб. 1,30 м, между двумя поставленными на ребро каменными плитами оказался скелет женщины свыше 60 лет, с пробитым на темени, слегка деформированным черепом в скорченном положении. Скелет весьма плохой сохранности. Севернее и южнее его, на глуб. 0,65—1,20 м, фрагменты черного и серого в изломе горшков. На глубине 1,60 м, в центре квадрата, под большой группой камней, помещался дромос, также заваленный камнями. Направление дромоса с юга на север; длина 3,45 м, ширина в начале 0,20 м, а у входа в катакомбу по дну дромоса 1,20 м, по верху 1,80 м. Вход в катакомбу, размером 0,42 × 0,60 м, прорыт в отвесной северной стенке дромоса.

Катакомба, размером $2,50 \times 1,0$ м при высоте 0,98 м, по форме и технике обработки отлична от всех раскопанных нами катакомб. В то время, как все остальные представляют в плане овал и имеют сферический потолок, данная катакомба в плане представляет трапецию с потолком, приближающимся по форме к коробовому своду, и почти вертикальными стенками с двух сторон — на западе и востоке. Стены покрыты глиняной обмазкой, закрывающей следы орудия, которым выбивалась катакомба; такие же следы ясно видны во всех других катакомбах. В мягкой засыпи, заполнявшей катакомбу до потолка, обнаружены разбросанные кости двух скелетов — мужчины 40—50 лет и женщины около 25 лет. Черепа находились в юго-восточном углу. Из предметов здесь найдены: деревянный столик на четырех коротких ножках; фрагменты двух глиняных курильниц — одна с сохранившейся ножкой (выс. 9 см, диам. 6 см) и частью чаши с мелкими дырочками (табл. XV); фрагменты плетеной корзиночки из лыка; шесть наконечников стрел, из которых два костяных плоских (дл. 7 и 7,8 см), а остальные — железные трехреберные; мраморное пряслице (диам. 3 см) (табл. XXXV); фрагменты железного ножа (шир. 1,5 см); костяной шарик от стрелы (диам. 1,4 см); металлическая пуговица; шесть урючных косточек (одна с отверстием) и фрагменты глиняного плоскодонного горшка грубого теста с примесью дресвы (толщ. стенок 1—1,5 см).

Курган № 8. Диаметр насыпи с севера на юг 12 м, с запада на восток — 11 м. Наибольшая высота насыпи на востоке — 1,92 м (табл. VIII).

Вскрытие начато с восточной половины кургана. Под дерновым слоем найдены фрагменты глиняных сосудов красного и черного теста. В юго-восточной четверти кургана, на глуб. 1,10 м, обнаружены длинные кости, часть ребер скелета и незначительные обломки черепа мужчины 40—60 лет, весьма плохой сохранности. Направление костей — с ю-в на с-з. На глубине 1,60 м появился дромос, длиной в 4 м, шириной в 0,70 м — 1,40 м, направлением с юго-востока на северо-запад. Дромос завален камнями, среди которых, на глубине 1,70 м, найдены кости и череп лисицы (?). На глубине 2,65—3,10 м, в северо-западной части дромоса, найдены фрагменты глиняных сосудов: фрагмент горловины с венчиком и петлеобразной ручкой и др.; пять бусинок покрытых медной окисью, шаровидной формы (диам. 4,5 мм). На глубине 3,20 м в северо-западной стене дромоса помещался вход в катакомбу (размером $3,25 \times 1,75$ м при высоте в 1,20 м). В засыпи катакомбы, заполнявшей ее до потолка и по мере приближения к полу становившейся очень твердой, обнаружены разбросанные по всей катакомбе деревянные доски (длиной от 0,74 м до 0,92 м, шириной от 6 до 9 см), некоторые с несколькими прорезными узкими отверстиями — всего девять досок; круглое пряслице (диам. 3,4 см) из белого камня; восемь фрагментов костяной обкладки лука; фрагмент деревянного столика (размером $7,8 \times 6,2$ см, высотой 2,7 см) с гнездами для ножек на нижней поверхности (табл. XXI), костяной предмет неизвестного назначения (дл. 8 см, шир. 0,7 см) с продольным узким желобком. Отдельные кости скелета мужчины 30—50 лет находились в северной и северо-восточной части катакомбы. Черепа в катакомбе не обнаружены.

Курган № 9 (табл. IX). Диаметр кургана с севера на юг — 11 м, с востока на запад — 10 м, высота по отношению к северной плоскости горизонта — 1,64 м, по отношению к южной — 0,30 м. В насыпи кургана, на глубине от 0,20 до 1,20 м, были найдены фрагменты от двух неполных сосудов; один имеет грубое тесто с большой примесью дресвы, плохого обжига; второй — маленький сосудик в форме приземистого кувшинчика с петлеобразной ручкой, по тулову его обвиваются две взрезные линии; тесто хорошего обжига, в изломе розоватое. Дромос (длиною в 5,85 м при ширине в 1,20 м и в 0,65 м), был открыт в северной половине кургана,

на глубине 1,35 м. Пол дромоса имеет наклон к входу в катакомбу, наибольшая глубина пола дромоса от поверхности 3,80 м. В конце дромоса был большой завал из каменных плит. Вход в катакомбу (0,45 × 0,58) был закрыт двумя большими, поставленными на ребро каменными плитами (табл. XI). Вход в катакомбу образует глубокую ступеньку.

Катакомба — овальная в плане с сферическим потолком; размер ее — 2,87 × 1,92 м; стены катакомбы имеют на себе хорошо видные следы обработки чотом (рукоять чота была найдена в соседней катакомбе кургана № 10). Катакомба внутренней земляной засыпи не имела; утварь и покойники были в полном порядке. У входа стояла курильница на высокой подставке в виде столбика, поставленного на круглое в плане основание с чашеобразным верхом, из слабо обожженной лессовой глины (курильница сломана); рядом с ней находилась горка пепла; такая же курильница стояла на полу катакомбы в ногах у женского костяка.

Внутри катакомбы, головами на восток, ногами на запад, в вытянутом положении с руками по бокам, на четырех массивных, прекрасной сохранности арчовых досках лежало два покойника — мужчина и женщина в возрасте от 40 до 60 лет (табл. XXX). Доски, на которых лежали покойники, опирались концами на плоские камни. Доски — неравной длины. Наибольший размер доски — 2,14 × 0,265 м при толщине 4,7 см, наименьший размер — 1,52 × 0,245 м × 6 см. Общая ширина настила 0,96 м. На короткой доске лежал на спине женский костяк с вытянутыми вдоль туловища руками; голова была повернута на правое плечо и обращена на север, правая нога (голень) на половину висела в воздухе, а ступня с фалангами пальцев упала на пол катакомбы. Под костяком была шелковая ткань обычного плотняного плетения, синего цвета; под головой — небольшой пучок травы. По заключению В. Кононова „подстилка под двойным погребением состоит из стеблей сложногоцветного растения, цветущие части — головки которого оторваны и находились под головой мужского костяка. Плодов растения не найдено, что дает основание предполагать о времени погребения в момент раннего цветения растения“.

Голова была обвязана красной шелковой повязкой, отороченной синим кантом; повязка три раза охватывала голову и завязывалась узлом на затылке; сшита она из четырех кусков (общая длина больше 1,50 м при ширине 7,5 см). Повязка была низко надвинута на глаза, прикрывая надбровные дуги. К этой повязке черепа подходит в притык вторая повязка, обтягивавшая лицо (захватывая подбородок), туго завязанная вокруг шеи; она сохранила следы выпуклости левого уха. Повязка эта имеет форму небольшой треугольной косынки. Ткани глазных яблок пропитались сквозь повязку и вышли наружу. Шею женского костяка охватывает ожерелье из мелких синеватых бус, заканчивающееся с левой стороны одной медной, более крупной (табл. XXXVI). На женском костяке была надета широкая рубашка на левую сторону, с запошивными швами наружу, желтого шелка (табл. XXXII). Передний, довольно глубокий разрез ворота и рукава окантованы каймой красного шелка 1,5—2 см шириною; ворот скреплен завязками, завязанными бантом, из двойной ленты, сшитой швом внутрь. Рубашка сильно расширяется книзу клиньями, вставленными в бок. Длина рубашки 1,14 м. Рубашка поношенная, так как ткань в некоторых местах сильно потерта, на спине положены заплатки, порванные места зашиты. На женском костяке были надеты кожаные штаны и кожаные сапоги (сильно разрушены); кости ног окрашены в красный цвет. На фаланге среднего пальца левой руки женщины было надето серебряное кольцо.

Мужской костяк лежал на трех (из 4-х) досках настила, покрытых жесткой травой и шерстяной синего цвета материей, такой же как и под женским костяком. Голова костяка мужчины повернута лицом также на

север. На голове имеются остатки кожных тканей, хорошо сохранилось естественно мумифицированное левое ухо. На голове повязки нет, но около лица лежал четырехугольный обрывок красного шелка, вероятно прикрывавший лицо. На мужской костяк надета желтого шелка рубашка, швы запошивные, двойные; покроем рубашки прямой, без клиньев, с боков идут разрезы (длина разреза 0,55 м), отороченные каймой (в 4 см шириною) из красного шелка; низ рубашки надставлен полосой в 0,20 м также красного шелка. Манжеты на рукавах и стоячий воротник сшиты из красной шерстяной материи с узором. На воротнике и манжетах узор вышит черной шерстяной ниткой. Длина рубашки 0,96 м — 1,00 м, рукава узкие с узким манжетом (0,26 м); ширина манжета — 6,5 см, высота воротника 3,8 см. Ширина красной шелковой материи — 0,48 м. Начиная с бедер идут остатки кожаных штанов; на ногах — остатки сильно разрушенных мягких безкаблучных сапог. Вдоль левого бока лежит гладко обработанная деревянная палка — посох с хорошо заглаженным верхним концом.

У настала, около голени правой ноги женского костяка, стояла на полу глиняный горшок (диам. устья — 13,4 см, дна — 13,8 см, наибольший диам — 18,6 см, выс. 13 см) ручной лепки; стенки сосуда опоясаны пятью рядами волнистой линии (табл. XIII). На дне сосуда лежал маленький тыквенный сосудик (высота — 8,5 см) с двумя отверстиями в боковине (табл. XXIV), внутри порошок из сильно измельченных листьев двудольного растения; в горшке было еще веретено (табл. XXXIV) с белым каменным пряслицем (дл. веретена — 0,41 м, диам. пряслица 3,4 см. толщ. — 1,1 см).

Около головы женского костяка стоял сосуд (выс. 0,32 м, диам. венчика — 11,5 см, диам. донца — 18 см) с узкой горловиной, отогнутым наружу венчиком, и маленькой петлеобразной, в сечении плоской, четырехугольной ручкой; форма сосуда несколько неправильная; тесто плотное, хорошего обжига, розоватое в изломе; изготовлено ручной лепкой. Рядом с сосудом, к востоку от него, стояло деревянное (диам. 25,5 см) блюдо (табл. XVII) с остатками пищи (в виде продолговатых лепешек из хорошо очищенного проса) и тонкой щепкой на ней. Над деревянным блюдом в стену катакомбы вделана маленькая нишка (23 см × 17 см × 22 см), в нишке стояла деревянная чашечка с ручкой (диам. — 9,2 см, выс. 5,4 см), на боковине и закраине чашечки имеются две медные заплаты, прикрепленные десятью гвоздиками (табл. XVI).

Крайне любопытно, что в силу климатических условий в катакомбе, на костяках естественно мумифицировались некоторые части человеческого организма, как то хрящи (неба, гортани), частично кожный покров, ухо, части легкого, сердца, нервной системы и мышц. В силу этих обстоятельств погребение было целиком вынута из катакомбы, надлежащим образом препарировано (существенную роль здесь играли вата и глицерин и изоляция парафинированными листами бумаги) и в таком виде переслано в Государственный Эрмитаж, где в спокойных лабораторных условиях была произведена разборка погребения.

Курган № 10. Диаметр 11 м с юга на север, а с запада на восток — 14 м, высота на юге 0,29 м, на севере 2,45 м. Такое различие высот объясняется расположением кургана на небольшом увале, причем южная пола кургана почти сливается с гребнем, а высокая северная лежит на его склоне. Восточная и западная высоты почти одинаковы — 1 и 1,30 м (табл. X)

Вскрытие кургана производилось от его северной подошвы. В лесовой засыпи, непосредственно под растительным слоем, у северной грани квадрата, найден фрагмент черного толстостенного (1 см) горшка с круглым туловом, короткой цилиндрической горловиной и слегка отгибающимся

наружу венчиком. На глубине 2,50 м от верхушки кургана и 3,60 м от северной грани кургана, появился дромос, уходящий на юг и забитый гравий крупным и мелким камнем, образующим каменный слой, в среднем метровой толщины. Размеры дромоса по дну: дл. 5,13 м, шир. от 0,49 до 1 м у входа в катакомбу. При расчистке дромоса сразу же в вертикальном обресе насыпи кургана обозначилась полудиркульная земляная арка, оказавшаяся дальше как бы коробовым сводом дромоса. В начале коридор был не высок, — около метра; дальше через 1,50 м высота его доходит до 2,70 м, повышаясь соответственно повышению насыпи кургана. Зачистка дромоса стала производиться выемкой мягкой засыпи и камней из дромоса, оставляя потолок не тронутым. Но через 2 м свод стал не так четко выделяться и, из-за возможности обвала, дальнейшую расчистку производили путем выемки всей земли от поверхности кургана. На расстоянии 4—5 м от начала дромоса, т. е. как выяснилось в дальнейшем, под входом в катакомбу, на глубине 0,30—0,50 м от поверхности кургана, появились хворостинки, куски дерева. Пробив твердую полосу земли (потолок дромоса) на глуб. 2,30 м, обнаружен был скелет мужчины 50—60 лет, лежавший поперек дромоса головою на восток. Скелет прижат к южной стенке дромоса и для того, чтобы труп здесь мог поместиться, в западной и восточной стенке дромоса были выбиты ниши, размером $0,78 \times 0,50$ и $0,93 \times 0,45$ при высоте 0,60 м. Скелет лежал на груди, лицом на юг, со скрещенными локтевыми и берцовыми костями. Это вызывает предположение, что у него были связаны руки и ноги. В нише над головой было много мелких хворостинок. Скелет лежал на хворостяном настиле в 18 см толщиной. Под настил подведены два прямые бревнышка, диам. 3—5 см. Никаких вещей около скелета не было. Под настилом был слой небольших плоских камней (2—4 см толщиной), покрывавший еще один скелет в возрасте свыше 60 лет. Последний лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на запад и с приподнятыми ногами. У левого плеча был маленький сломанный глиняный горшочек с цилиндрической горловиной и петлеобразной ручкой—совершенно аналогичный найденному в насыпи 9-го кургана. Ребро спереди и правая берцовая кость раздроблены, возможно — под давлением покрывавших его камней. Под костяком была тонкая хворостинная подстилка в 2 слоя, помещавшаяся на каменных глыбах, которые доходили до входа в катакомбу. Входное отверстие, размером $0,54 \times 0,68$ м, помещалось на 0,40 м ниже второго скелета. В отверстии были две горизонтально лежавшие большие каменные плиты; между ними найдено глиняное пряслице конусообразной формы (с наибольшим диам. 3,4 см и выс. 3,6 см) на деревянной круглой палочке, продетой в небольшое отверстие.

Катакомба, вытянутая почти точно с запада на восток (95°), размером $2,68 \times 2,07$ м и высотой 2,19 м засыпана была только в своей северной половине, т. е. около входа. Найденные здесь вещи были разбросаны; два скелета лежали друг на друге, головами на восток, прижатые к северной стене катакомбы, налево от входа, а не на досчатом ложе, стоящем у южной стены. Верхний костяк, принадлежавший мужчине 50—60 лет, лежал на боку; нижний — женщина того же возраста, лежал на груди. Череп нижнего скелета отделен и лежал у ног верхнего. Ложе из массивных досок (толщ. 6 см) состоит из трех досок разной длины (наибольшая — 2,45 м) и ширины (самая широкая—0,30 м; две доски были составлены, а третья лежала на них (табл. XXII). У южной стены находились длинные бруски с пазами, — остаток (продольные борта) ложа. Такие же бруски, но более короткие, находились по двум коротким сторонам ложа. Находилась тут еще одна доска без отверстий, не являющаяся частью ложа. Среди досок и под ними найдены: перевернутый вверх ножками

деревянный столик (*табл. XVIII*) для изготовления кулечетая (размером $51 \times 22 \times 12,5$ м), под ним глиняный кувшин с ручкой (выс. 19 см, диам. дна 14 см, отверстие 9,8 см), верхняя часть плетеной корзиночки (*табл. XXIII*) из лыка (диам. 14 см), деревянная рукоять чота (*табл. XXV*) (дл. 0,37 м) — орудия, которым обработаны доски и высечена сама катакомба; девять фрагментов костяной обкладки лука (*табл. XXVII*); квадратная кварцевая поделка (3×3 см) с круглым отверстием посередине (пряслище?); фрагменты деревянной чашечки с круглой в сечении петлеобразной ручкой (*табл. XVI*); деревянные прямоугольные в сечении палочки и бруски, вероятно от ложа. Половина простого кольца, покрытого медной окисью, в виде обруча (диам. 2 см). Около скелета найден был еще один глиняный горшок с широкой, но короткой горловиной (диам. 12 см, выс. 11,5 см) с туловом, покрытым горизонтальными волнистыми линиями (*табл. XIII*). У самого входа находился большой раздавленный сосуд ручной лепки, как и два предыдущих, из сероватого теста с примесью дресвы; (после склейки оказалось, что высота его — 27 см и что с одного конца он имеет яйцевидную форму, с другого — плоскую (*табл. XIV*). Разбросанными по всей катакомбе были найдены бусы различной величины и цвета — две крупные круглые из черной и синей пасты, две янтарные продолговатые бусины, несколько мелких круглых бусин из темного стекла и круглые слегка приплюснутые перламутровые бусы (диам. 8 мм), сильно расслоившиеся, всего 77 фрагментов (*табл. XXXVI*), а также пять медных бляшек (диам. 1,2 см) с круглым отверстием по середине.

II. ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРЫ КЕНКОЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА

1. РИТУАЛ ПОГРЕБЕНИЯ

Все раскопанные курганы сооружены по одному и тому же плану, идентичны устройство насыпи и погребального помещения, совпадают черты одного и того же погребального ритуала. Под небольшим слоем насыпи, как правило, находились следы жертвоприношения: сосуд, иногда угли. В нескольких случаях были обнаружены выложенные из каменных плит площадки. В насыпи встречались сосуды двух типов: 1) чрезвычайно грубой выделки, черного теста с дресвой, ручной лепки и 2) прекрасной выделки на гончарном кругу, орнаментированные, покрытые ангобом или лощеные.

На глубине до 1 м от верхушки кургана, обычно на уровне немногим ниже горизонта, обнаруживались следы узкого дромоса (или пользуясь местной терминологией «айван»). Пол дромоса в некоторых случаях уложен крупными камнями и имеет легкий уклон вниз (до 15°). Дромос оканчивается круглым, иногда почти прямоугольным входом в катакомбу, носящую в Средней Азии название «ляхат».

Ориентировки входов в катакомбу бывают различные. Из одиннадцати катакомб (раскопанных в 1938 и 1939 гг.), пять имели входы с востока, две с юго-востока, две с юга и две с севера. Разнообразная ориентация входов, по всей вероятности, связана с разными временами года, когда происходило захоронение, ибо в ряде случаев устройство входа абсолютно не дик-

товалось условиями местности. В то же время входы в катакомбы, ориентированные в пределах трех четвертей окружности, давали самые разнообразные варианты. Пока не встречено катакомб с входом, устроенным с запада.

В конструкции катакомб выступает одна и та же техника их изготовления. Видимо, сначала выравнивали площадку, в которой вырубался дромос и катакомба. Судя по следам вырубки, сохранившимся в катакомбе, и по ручке орудия, найденной в катакомбе кургана № 10, катакомбы вырубались орудием похожим на современный киргизский чот (*табл. XXV*). Это — железный наконечник, типа кельта, насаживаемый на короткую ручку. Орудие имело вид обычного тесла и широко применялось. Им не только вырубались катакомбы, но обтесывалось дерево для крупных больших объектов, например, доски, колья и т. д. Следы такого чота прослежены на досках лежа в катакомбе курганов №№ 9, 10 и др. Ширина рабочего края чота колеблется от 3 до 5 см, о чем можно судить как по отпечаткам на дереве, так и по следам, оставленным рабочим инструментом в лессовых стенах катакомб.

После захоронения вход в катакомбу обязательно закрывался одной или несколькими каменными плитами (если один камень не закрывал полностью входа). Камни обрабатывались грубо, подыскивалась удобная плита, концы которой слегка обивались. Следов обработки камня по плоскостям не было замечено. Мягкой лессовой засыпью и крупными камнями засыпался коридор-дромос. Перед тем, как засыпать катакомбу, наверху, в месте, где потолок всего тоньше, устраивалась каменная выкладка из грубо отесанных плит. Эта выкладка как бы уравнивала давление насыпи на свод катакомбы. Эта же выкладка являлась местом, где ставился сосуд с пищей и где встречаются следы сожжения (угли), вероятно, остатки действия ритуального порядка.

Особо интересными являются погребения в насыпях. Так в одном случае (курган № 10) парное погребение было в дромосе, в других двух — одиночные в насыпи (курганы №№ 7 и 8). В то время, как в самой катакомбе лежали явно выраженные монголоиды с деформированными черепами, в дромосе катакомбы № 10 лежали костяки с ярко выраженными европеоидными черепами. Так как в одном случае костяк лежал прямо под завалом камней и земли насыпи (курганы №№ 7 и 8), а в другом случае — в дромосе (курган № 10) на грубом хворостяном помосте, то иное этническое происхождение дает основание предполагать, что мы здесь имеем дело с сопутствующими захоронениями рабов.

К характеристике захоронений надо еще указать, что все они содержат парные погребения. Там, где погребения имели одно захоронение, там в одном случае (курган, раскопанный в 1938 г.) оказывалась похороненной женщина, в другом (курган № 5)—мужчина. Очевидно, что в парных погребениях женщину после смерти ее мужа насильно укладывали в его могилу. Антропологическое исследование костяков, произведенное Е. Жировым, показало, что все женские костяки в катакомбах, как и мужские, принадлежат к одному и тому же расовому типу.¹ Краткую характеристику этого расового типа Е. Жиров дает в следующих словах: «Расовый тип, несмотря на явно метисное происхождение данной популяции, довольно однороден. Характерная для него ослабленная монголоидность, которую только отчасти можно объяснить смещением с местным населением Средней Азии, не находит аналогии в восточной Азии, за исключением, разве, маньчжурской группы. Европейские элементы, наиболее ярко представленные костяками из дромоса кургана № 10, вероятно, местного происхождения». Очевидно, что женщина, положенная в могилу с мужчиной, была его женой, ибо рабы (в дромосе и в погребении в насыпи), отличающиеся в расовом отношении, принадлежат к местной памиро-ферганской расе. Следует указать и на то обстоятельство, что маленьких детей, которых невозможно было оставлять без матери, также умерщвляли, о чем говорят находки в катакомбе кургана № 6, где были обнаружены костяки младенцев (одного в возрасте около года, другого около 20 месяцев), и отчасти находки в катакомбе кургана № 8.

Похороненные в катакомбах, как мужчины так и женщины, отличались средним ростом и хорошо развитой мускулатурой. Характерной их особенностью является деформация черепов путем накладывания кольцевой повязки, придающей голове удлиненную назад форму. Деформацию эту начинали производить с раннего возраста, о чем свидетельствуют черепа детей, обнаруженных в катакомбе кургана № 6. По всей вероятности, она служила признаком, указывающим на этническую, возможно, и социальную принадлежность погребенных.

В раскопанных катакомбах богато представлен материал, дающий возможность судить о разных сторонах культуры похороненных здесь людей; найденные здесь керамика, изделия из дерева, вооружение, одежда, украшения заслуживают специального рассмотрения, к которому мы теперь и перейдем.

¹ Все данные, по определению пола и возраста погребенных, нами получены от Е. Жирова, которому мы приносим свою благодарность.

2. КЕРАМИКА

Изделия из глины представлены здесь сосудами и курильницами.

С технической стороны сосуды делятся резко на три типа: 1) чрезвычайно грубые с большой примесью дресвы, ручной лепки, 2) ручной лепки, но прекрасной выделки и 3) изготовленные на гончарном кругу, совершенной формы и отделки.

Характерным представителем грубой керамики является небольшой сосуд (диам. дна 6 см и устья 10,5 см, выс. 10 см). Сосуды этого типа—конической формы, лепные; форма выдавливалась из одного куска глины (табл. XIII). Тесто плохого промеса, с дресвой. Обжиг слабый, черный в изломе черепок слотится, излом черепка шероховатый и крошится. Такие сосуды встречены только в насыпи курганов и наиболее сохранившиеся обнаружены в раскопках 1938 г.; черепки же аналогичных сосудов встречены и в 1939 г. также в насыпи катакомбы. Место нахождения их (только в насыпях курганов) заставляет предполагать, что сосуды этой техники использовались только при совершении обрядов.

Второй тип керамики, найденный в большем количестве, был использован только в катакомбах. Эта группа представлена двумя типами: 1) сосудами в виде кувшина с плоским дном, кубышкообразным туловом (постепенно сужающимся кверху) с невысокой горловиной, со сливом и с вертикальной ручкой, которая одним своим краем прикреплена к венчику, другим концом покоится на плечике сосуда (табл. XIII); поверхность сосуда покрыта белым ангобом. Внутри сосуда прослеживаются следы вмятин от ручной лепки и линии ленточной лепки; обжиг сравнительно высокого качества накала, излом черепка красный, звук звонкий. 2) Другой тип составляют низкие сосуды с почти равным диаметром дна и устья и шарообразным туловом; венчик далеко отогнут наружу; поверхность сосуда орнаментирована волнообразными линиями (табл. XIII); как правило, сосуды эти закопчены, что свидетельствует об их употреблении для варки пищи.

Третий тип сосудов представлен несколькими образцами, сделанными на гончарном кругу, кувшинообразных форм с высоким горлом (табл. XIII). Один из сосудов имел красное лощение. Отделка этих сосудов и техника изготовления заставляет выделять их в особую группу.

Разобранная керамика весьма отлична от той, которая встречается в относящихся к тому же времени могильниках сопредельных районов. Такие формы, техника и украшения не

найлены ни в усуньских погребениях, ни в Берккаринском могильнике.

Только отчасти грубая керамика первого типа может найти аналогии в технике изготовления керамики Берккаринского могильника и могильника Ноин-улинского.¹ В последнем мы также найдем аналогию единственному приему украшения керамики волнистой линией. Известно, что на сосудах из курганов Ноин-ула преобладает этот прием украшения. Более близкую аналогию в техническом отношении представляют сосуды, найденные в могильнике Ильмовой пади.²

Второй тип керамики, главным образом, кувшины (*табл. XIII*), находят себе аналогии в весьма древней форме керамики западного происхождения. Такого типа керамика широко представлена в древне-иранском археологическом материале, но более близкой аналогией являются сосуды из сакских катакомб под Ташкентом, относимых Г. В. Григорьевым к V—III вв. до х. э.

Третий тип — ранне-согдийская керамика, происходящая, вероятно, из согдийских колоний, а возможно и из самой Согдианы; это — характерные сосуды с удлиненными формами кувшинообразного типа, изящные по выделке и пропорциям, с высоким цилиндрическим горлом на шарообразном тулове.

Во всех перечисленных случаях керамика почти не дает типично кочевнических форм, т. е. той посуды, которую пришлось наблюдать при раскопках курганов Таласа, Чу и Иссык-куля. Исключением является найденный в 1938 г. сосуд шарообразной формы, желтого лощения с симметрично расставленными петельками на плечиках (*табл. XIV*), а также чаши из раскопок Гейкеля. Это явление чрезвычайно важно для понимания исследованной культуры, к чему мы возвратимся ниже.

Особое место занимают курильницы. Сделаны они обычно из слабо обожженной глины, на одной, расширяющейся книзу, ножке. Основание ножки четырехугольной, иногда круглой формы. На ножке покоится чашеобразный резервуар, стенки которого имеют сквозные отверстия (*табл. XV*).

¹ См. нашу рецензию „К вопросу о социальном строе восточных гуннов“ на работу С. Trever, Excavations in the Northern Mongolia, Lgr. 1932 в журнале „Проблемы истории докапиталистических обществ“, № 9—10. 1935.

² Ю. Талько-Гриневич, Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади. Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО, т. I, в. 2, Москва, 1899.

МАУИИ
МАУИИ
160860
ИЮНЬ 1954

3. ИЗДЕЛИЯ ИЗ ДЕРЕВА

Богато и разнообразно представлены изделия из дерева. Основным материалом служила арча, в единичных случаях встречена и тяньшаньская ель. Оба вида дерева, как известно, местного происхождения. В отдельных случаях использовался тростник — *чий и лыко*.

Из дерева изготовлялись: посуда, колыбели, ложа, гробы, древки стрел, столики для приготовления пищи, части седел, рукоятки инструментов, мелкие строительные сооружения, из лыка плелись корзинки и т. д. Наибольшего совершенства мастер достиг в изготовлении посуды. В зависимости от формы сосуда брались разные части дерева. Для кубков и сосудов малого диаметра с высокими, но тонкими стенками использовалось либо корневище, либо болванка ствола с продольным сечением древесных колец, а для изготовления блюд предпочитали брусok с поперечными сечениями колец.

В первом случае мягкое дерево арча давала при тонких и ответственных на прочность частях сосуда (напр., ручка) максимум прочности. Таков, например, прием изготовления кубка из катакомбы кургана № 9 и сосуда из катакомбы кургана № 10 (*табл. XIV*). Из целого бруска вытачивалась острым орудием, вероятно ножом, форма сосуда, не отличающаяся особой симметричностью форм. Совершенно очевидно, что материал, из которого изготовлялся сосуд, не был неподвижно укреплен; не имел постоянной точки крепления и режущий инструмент. Оба эти факта отразились на поверхности, покрытой следами обработки резчика и засвидетельствованы местами отдельных срезов ненужного материала: здесь действовала только рука человека. Иначе производилось изготовление блюд или столиков. На неподвижность заготовки и какое то постоянное крепление режущего инструмента указывает характер обработанной поверхности: это доказывается абсолютно гладкой поверхностью столика и тождественностью форм ножек столика. На блюде ясно прослеживаются циркульный и почти центробежный характер движения режущего инструмента (*табл. XVII*). Такого типа результат обработки дерева несовместим со свободным движением руки. Здесь возможно крепление режущего инструмента на постоянной точке с помощью веревки и неподвижного положения обрабатываемого бруска, а мастер при одном и том же положении рабочего края инструмента последовательно и методично разделявал заготовку. После изготовления основной части предмет отрезался от всего бруска и нижняя его часть уже более небрежно отделялась отдельными срезами. Несом-

ненно, что геометрическая правильность обработки дерева была сопряжена с усовершенствованием расточки дерева путем изобретения прототипа токарного станка. Для этого необходим был постоянный радиус движения инструмента, что могло быть достигнуто вышеописанным приемом.

Если человек того времени знал сверление для добычи огня, если, как нам показывает этнографический материал, на весьма ранних этапах общественного развития, человек знает дрель и другие приборы, связанные с вращением и известной механизацией вращения, то тем более это можно допустить и для мастеров, создавших изучаемые деревянные предметы. Труд, затраченный на изготовление этих предметов, весьма высоко ценился. Это видно из того, что при порче деревянной посуды принимались все меры к ее реставрации. Трещины сшивались медной проволокой швом «в елочку», или накладывались медные заплатки на шпеньках (*табл. XVI*).

Выделяются из деревянных изделий специальные столики для изготовления мучной пищи, сделанные из одного куска дерева (*табл. XVIII*) Они представляют собой эллипсоидный верх, слегка вогнутый, поддерживаемый четырьмя массивными ножками, диаметр основания которых несколько больше диаметра концов ножек. Внутренняя сторона столика гладко отделана, внешние стороны несколько грубее. Такие столики и в настоящее время встречаются в инвентаре кочевого хозяйства. Подобного типа столики мы, например, встречали у уйгур в Алма-атинской области.

Кроме этих столиков, используемых для изготовления мучной пищи и носящих на себе следы соскабливания ножом прилипавшего теста, существует и другой тип столиков, сохранившихся в значительных фрагментах. Эти столики плоские, с едва заметным бортиком. На оборотной стороне имеются призматические выпуклости, с пазами четырехугольной формы, куда вставлялись шипы ножек столика. Ножки сейчас обломаны и в пазах сохранились лишь шипы от них (*табл. XIX*). Такого типа конструкция ножек наблюдается на обычных китайских столиках, представленных в Ноин-улинских курганах.

Посуда и столики имеют следы раскраски коричневой краской. На некоторых чашах имеются следы черной краски, несравненно худшей сохранности, чем коричневая. Помимо указанных предметов из дерева изготовлялись более грубые поделки, среди которых следует отметить обработку досок. Бревна арчи раскалывались видимо с помощью клина с добавочной обработкой инструментом типа чота. Следы этого чота (тесла) весьма ярко прослеживаются на обработанных

досках (катакомбы курганов № 9 и № 10); причем ширина срезов от этого тесла не превышает 5 см. Им же обтесывались и концы досок, которым придавалась округлая форма, уничтожались выступы, колющие и режущие края. В предметах более миниатюрных, типа детской колыбели, после чота применялся видимо нож, сглаживавший оставшиеся неровности.

Основным методом крепления деревянных частей являлся паз и шип. Так для скрепления остова колыбели в раме имелись пазы, куда входили заостренные части досок. При изготовлении более массивных конструкций (гроб из раскопок 1938 г. и ложе из катакомбы кургана № 10) входящий в паз шип еще укреплялся продернутой сквозь отверстие в шипе палочкой, своего рода гвоздем. Никаких следов металлических скреп не обнаружено, кроме починки посуды (табл. XVI). Не замечено также и специальных углублений для непосредственной связки досок. Деревянные конструкции держались иногда и на дополнительных деревянных же колышках.

Из дерева изготовлялись и детские колыбели (табл. XX) типа современных «bašik bala». Колыбели состояли из дугообразных торцевых сторон, в которых в нижней части сделаны прямоугольные отверстия. В эти отверстия вставлялись боковые плашки, заостренные концы которых входили в эти дугообразные стороны. Боковые доски имели от трех до пяти прямоугольных сквозных отверстий. В них закреплялись плашки ложа колыбели. Способ крепления их тот же, т. е. заостренные концы входили в прямоугольные отверстия бортов колыбели. Прилегающие к торцевым сторонам колыбели плашки ложа имели мелкие круглые отверстия, видимо, для натягивания веревочек, поддерживающих полог колыбели. Общие размеры колыбелей колеблются в пределах от 70 см до 92 см в длину и до 42 см в ширину. Высота колыбели — 34—36 см. В колыбели имелась мочеотводная трубка (сумак), сделанная из кости животного — барана (табл. XXI). Из сказанного совершенно очевидно, что колыбель имеет все те черты, которые характеризуют современную колыбель, бытующую у кочевников и имеющую весьма широкое распространение не только в Средней Азии.

Кроме того следует отметить обнаруженное в катакомбе кургана № 10 ложе из арчевых досок, на котором лежали покойники (табл. XXII и XXX). Всего в этом ложе было три доски, которые скреплялись между собой шипами, входящими своими концами в пазы, сделанные в продольной стороне досок. Изголовье было сделано из тяньшаньской ели. Два стояка в виде клиньев, длиной в 21 см, были укреплены в соответствующих

ямках, сделанных в досках ложа, и на них насажен сравнительно массивный брус, сечением в 5 см, который образовывал самое изголовье. Аналогичный брус укреплялся и в ногах. Два длинные бруска, квадратные в сечении, укрепленные на шипах, составляли борта ложа.

К поделкам из дерева следует отнести плетеную корзинку из лыка. Характер плетения простой. Основа переплеталась (с чередованием через одну линию) полосой лыка такой же ширины (табл. XXIII).

Помимо вышеперечисленных предметов следует указать еще на ряд изделий из дерева, как например стержни веретен, стрелы и т. д., но в техническом отношении они не представляют особых отличий.

К этой группе находок следует отнести небольшой футлярчик из тыквы грушевидной формы с двумя отверстиями сбоку для подвешивания (табл. XXIV). Высота его 8,5 см, наибольший диаметр 5,5 см, наименьший 2,6 см. Внутри него был коричневый порошок. Такого типа тыквенные (?) футляры изготавливаются ныне в Средней Азии для хранения насоя (табака для жевания).

4. ВООРУЖЕНИЕ

Предметы вооружения, собранные во время раскопок 1939 г., представлены костяными обкладками лука, стрелами, обломками железного ножа, частями седла.

Судя по костяным обкладкам лука, последний был сложно-составной. Тело его, очевидно, состояло из сухожилий и клеевой массы, ибо никаких деревянных частей лука мы не обнаружили. Лук состоял из семи костяных пластин. Из них четыре парные находились на концах лука; они имеют вырезы для крепления тетивы. Три других части составляли середину лука, причем одна из них — ровная, слегка изогнутая пластина, а две более широких имеют подтрапецевидную форму; на них накладывалась стрела. Лук имел форму сравнительно крутой дуги; на это указывает положение концевых обкладок. Около вырезов, где крепилась тетива, видны следы стертости кости от скольжения в этом месте тетивы; кроме того, и по самой форме выреза видно, что концы были поставлены весьма круто. Общая длина лука была видимо около одного метра (1,05), биссектриса лука была, примерно, до 40 см (табл. XXVIII).

В катакомбе кургана № 10 с покойниками лежали костяные обкладки лука, еще не бывшие в употреблении. Обработка костяных обкладок — тщательная, причем внешняя поверхность округлая, слегка заполированная (табл. XXVII). Стрелы имели деревянное древко, сделанное, по всей вероятности, из тяньшаньской ели. Они представляют собой деревянный стерженек до 81 см длиной, круглый в сечении до 0,5 см (табл. XXIX). Одна сторона заканчивается вырезом, глубиной до 1 см, для крепления стрелы на тетиве, другая сторона заострена и на нее надевался втульчатый железный наконечник стрелы. Следов оперения нет. Стрела чрезвычайно легкая. Наконечники — трехреберные, со слабо выраженными ребрами (0,03—0,05 см); общая длина наконечника стрелы — 3 см. Таким образом, тип стрелы по своей конструкции напоминает типичную скифскую стрелу, рассчитанную на лук легкого типа. Кроме железных стрел имеются еще и костяные стрелы. Костяные стрелы — плоские, вытянутые, с черенком. Длина черенка всегда больше половины самой стрелы, а иногда равна ее длине.

Условно к вооружению должны быть отнесены фрагменты однолезвийного ножа с тупой спинкой. Следов рукояти или черенка нет. Клинок сужается к концу, который, видимо, был заострен. Других предметов вооружения в раскопках 1939 г. не было найдено.

В раскопках 1938 г. были найдены слегка изогнутые прутья разной длины. Концы этих прутьев были затесаны. Возможно, что они вставлялись в овальную раму (судя по тому, что они разных размеров) и составляли деревянную основу щита, поверхность которого обтягивалась кожей.

При раскопках 1938 г. был найден обломок деревянных ножен с тупым концом, в виде гладкого среза и небольшого кантика, выступающего за пределы сечения ножен. В ножнах сохранился конец двулезвийного железного меча. К остаткам седла следует отнести дугообразную поделку, видимо, луку седла (табл. XXVI).

5. ОДЕЖДА И ТКАНИ

Раскопки 1939 г. дали сравнительно полное представление о характере одежды.

Женский наряд состоял из шелковой рубашки, сшитой из полотнищ шелка, расширяющихся книзу (табл. XXXI—XXXII).

Покрой рубашки несколько отличается от известной для этого времени одежды из Ноин-улы,¹ но аналогией ей являются современные шелковые узбекские халаты. Особых украшений на кенкольском халате нет. Цветным шелком (красным) оторочены рукава и кромка воротного прореза. Цвет шелка, из которого сшит халат — светло-желтый. Ткань изумительно тонкая и легкая. По мнению В. Кононова, производившего реставрацию халата, его можно было весь сжать в кулак. Ткань несомненно ценилась, так как вся одежда обильно покрыта заплатами. Тот факт, что халат на женщине был одет на левую сторону, видимо, имел свое культовое значение. По замечанию Г. В. Григорьева, аналогичные обычаи сохранились еще и поныне в похоронных обрядах узбеков.

Мужская рубашка (табл. XXXI), также описанная выше (катакомба кургана № 9), по своему крою напоминает рубашку из Ноин-улы. Наиболее интересной деталью является узор на манжетах. Узор из ромбов в комбинации с «бараньими рогами» (табл. XXXIII) представляют почти полную аналогию узору вышивки на халатах всадников, изображенных на так называемом греко-бактрийском шерстяном фризе из Ноин-ула.²

Характерно, что при кройке одежды делалась попытка максимально экономно использовать ткань. Одежда сшивалась из всей ширины ткани: полоса в 48 см отвечает целиком обычной ширине древнего китайского шелка. Комбинация клиньев почти исключает отходы материи и сложенные вместе клинья воспроизводят почти ту же ширину куска шелка в 48 см. Рукава сделаны из согнутой пополам ширины. Этот прием покроя, прослеженный М. П. Грязновым на некоторых образцах одежды из Ноин-улы, подтверждается и нашими данными. Видимо, использование без остатка полотнищ шелка при этом наиболее экономном и рациональном приеме покроя диктовалось редкостью и недоступностью шелка рядовому кочевнику.

Небольшое количество сравнительно полных остатков одежды этого времени не позволяет пока шире ставить вопрос о ее происхождении и типических чертах. Однако несомненно, что с ней генетически связано происхождение одежды кочевников Средней Азии.

¹ См. С. Trever, Excavations in Northern Mongolia, Leningrad, 1932, табл. 22. 1.

² С. Trever, ук. соч., табл. 6. О принадлежности этой вышивки к числу памятников греко-бактрийского искусства см. К. Тревер, Проблема греко-бактрийского искусства. Труды III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии, М.-Л. 1939, стр. 262 и сл.

Кроме вышеописанных шелковых рубашек остальные части одежды сохранились плохо. При разборке костяков из катакомбы кургана № 9, которые были целиком доставлены в Ленинград, при обработке тканей В. Н. Кононовым, выяснился еще ряд деталей. Штаны на обоих костяках были кожаные, с широким поясом и сужающимися штанинами, заправленными в безкаблучные мягкие сапоги со следами шерстяной подкладки, типа современных чарыков. Возможно, что на ногах были шерстяные чулки, окрашенные в красный цвет (следы краски сохранились на фалангах пальцев ног). Под шелковой верхней одеждой была нательная одежда, из грубого шелка, сохранившаяся в обрывках. Пояса, поддерживавшие штаны, были шерстяными. На бедрах женского костяка под верхней одеждой были найдены мелкие фрагменты шелкового тюля. Шерстяная ткань и грубая шелковая (нитка толстая) были явно местного производства (что доказывается находками веретен и пряслиц) и окрашены были в синий и красные цвета. Шелк — китайской работы, гладкий; был желтого и красного цветов.

Найденные ткани имеют несомненно большое значение для истории. После обнаружения тканей в курганах Ноин-улы это — вторая находка одежд в Центральной Азии, относящаяся к рубежу х. э. (о датировке см. ниже) и первая — в Средней Азии.

До раскопок Кенкольского могильника были известны только четыре находки таких тканей, а именно, фрагменты тканей, обнаруженные во время раскопок А. Стайна (A. Stein) у Лобнора, П. Козлова в Монголии, Адрианова в Минусинском крае, Г. Сосновского в Забайкальи. Этими сопоставлениями достаточно ясно определяется значение тканей для истории культуры Средней Азии.

6. УКРАШЕНИЯ

Чрезвычайно мало было найдено украшений в курганах, как во время раскопок 1939 г., так и в раскопках прошлого года и в 1898 г.

В 1939 г. украшения представлены, главным образом, бусами (табл. XXXVII). В наибольшем количестве представлены плоские перламутровые бусы, величиной в 0,7—0,8 см. Эти бусы обычно

расщепляются по продольному сечению. Они, вероятно, массой нашивались на платье и находились в катакомбах всегда в большом количестве — по несколько десятков штук; кроме этого в большом количестве представлены стеклянные бусы шаровидной формы синего цвета (некоторые имеют следы позолоты), часто спаянные по две и по три. Такими бусами был, возможно, оторочен ворот женского платья. Некоторые стеклянные бусы имеют желтые и синие разводы. Бусы эти чрезвычайно мелки, диаметр их от 0,3—0,6 см.

Кроме стеклянных бус имеются еще бусы из пасты: светло-зеленоватого цвета цилиндрической формы, плоская квадратной формы из черной пасты (1,6 см), круглые, немного сплюснутые с боков из темно-синей пасты.

Каменные бусы представлены двумя образцами из желтоватого камня биконусовидной формы. Кроме бус найдены также медные бусообразные пронизки, круглые в сечении.

Изделия из металла, весьма малочисленные в курганах, раскопанных в 1939 г., ограничены обломками медных колец, в одном случае — из проволоки в виде несомкнутого овала, (катакомба кургана № 10), в другом — пластинчатым кольцом из меди с несколько расплющенной передней частью, также несомкнутым, небольшими круглыми бляшками с отверстием и одной пуговицей. В 1938 г. были найдены медные пряжки с подвижным язычком, серебряные накладки с гнездовой инкрустацией сердоликом, окруженным зернью, серебряная кованная шпилька, тыльный конец которой раздвоен и другая мелочь. Кольцо, аналогичное вышеописанному, было найдено и на руке женщины в катакомбе № 9.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описанные выше элементы культуры дают основания сделать некоторые общие заключения. Как видно из реестра находок по катакомбам, все они содержали почти один и тот же инвентарь, указывающий, в известном смысле, на рядовой характер погребения. Резких имущественных различий наблюдать не удалось, и сами курганные насыпи, как раскопанные, так и не раскопанные не дают больших градаций в имущественном отношении. Это относится ко всей сумме раскопанных катакомб 1898, 1938--1939 гг. Эти однотипные курганы при-

надлежат этнически однородной среде. Как этническое происхождение, так и социальное положение захороненных определяется деформацией черепа. Катакомбы заключали один и тот же характер захоронений, и, как показано было выше, есть все данные полагать о подчиненном положении женщин. На существование рабов указывают захоронения в насыпи и в дромосе, причем рабы, похороненные в дромосе, явно иного этнического происхождения. Комплекс находок в катакомбах с захоронениями мужчин свидетельствует о том, что костяки принадлежат конным воинам-лучникам, пользующимся удобным во время верховой езды легким луком. О кочевническом происхождении погребенных наглядно говорит инвентарь катакомб, находящий себе широкие аналогии в этнографическом материале кочевников (характер деревянных изделий, колыбели, одежда и т. п.). Все эти факты, устанавливаемые показаниями раскопок и исследованием собранного материала, дают основания определенно утверждать, что мы здесь имеем дело с кочевниками скотоводами, у которых господствовали семейнобрачные отношения патриархального типа, и которые находились на стадии военномонократического строя.

В культуре этих кочевников наглядно выступает взаимодействие, с одной стороны, с культурой Китая или Восточного Туркестана (ткань, лак) и, с другой, с местным населением (рабы, местная керамика), как кочевниками, так и земледельцами. На связи с последними указывает керамика, мучная пища (столики для ее изготовления). На широкие связи, военные или торговые, указывает, кроме вышеперечисленных фактов, наличие среди находок перламутра, стекла и керамики согдийского типа.

Кочевники были сами прекрасно знакомы с искусством обработки дерева и продуктов скотоводства (шерсть, кожа) и наряду со скотоводством, занятием войной и торговлей развивали эти формы домашнего ремесла. Видимо, не малую роль в этом сыграли их рабы. Четкое разграничение мужского и женского инвентаря и его места в погребении (катакомба кургана № 9) несомненно свидетельствует о внутри-семейном разделении труда, в котором скотоводство и война были делом мужчины, домашний быт и примитивные ремесла были в руках женщины.

III. ДАТИРОВКА МОГИЛЬНИКА И ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Описанный могильник содержит в себе ряд характерных элементов, дающих возможность определить его время.

К числу таких элементов мы относим: 1) ткань и лак, 2) стрелы «скифского» типа, керамику, форму деревянной посуды, 3) вещи с инкрустацией и медные пряжки (находки 1938 г.).

Вопрос о датировке может быть выяснен с помощью 1) установления расового типа, 2) сравнения культуры курганов с катакомбами с культурой местной, и 3) исторических данных.

Ткань, обнаруженная в катакомбах, как уже было указано, принадлежит к типу ханьского шелка, хорошо известного по раскопкам могильников ханьского времени П. Козлова в Монголии, Г. Сосновского в Забайкалье, и А. Стайна в Восточном Туркестане. Наиболее, пожалуй, характерным является фрагмент ткани из раскопок 1938 г., в котором ясно прослеживается зигзагообразный затканый узор. Фактура этой ткани, ее технологические особенности достаточно хорошо выяснены по материалам А. Стайна и П. Козлова и не вызывают сомнений в сходстве наших тканей с вышеупомянутыми. Датировка этих тканей колеблется в пределах периодов династии старших и младших Хань (202 г. до х. э. — 220 по х. э.), т. е. до начала III в. х. э. В известной мере это относится и к фрагментам черного лака, находимого, главным образом, в могилах кчевников этого времени. К группе предметов восточного происхождения мы относим костяные с черенком стрелы, формы

и описания которых мы находим в известном китайском сочинении Цзинь-ши-со, где стрелы этой формы (правда из металла) относятся к ханьскому времени.¹

Наиболее яркой аналогией предметам восточным является вышитый узор на шерстяных обшлагах шелковой рубахи мужчины. Характер этого орнамента — комбинация из завитков и ромбов — совпадает с характером узора на вышивке плаща одного из всадников, изображенных на шерстяной ткани (с мотивами греко-бактрийского происхождения) из Ноин-улинского могильника.² Как известно, ткани из Ноин-улинского могильника датируются самым концом I в. до х. э. и началом I в. х. э.³ Это позволяет утверждать, что найденная в Кенкольском могильнике ткань датирует могильник рубежом х. э., вероятней I в. х. э. Таким образом, одна группа вещей, связанная с дальневосточным кругом, несомненно датируется временем не позже II в. х. э.

Другая группа находок носит ряд архаических черт: упомянутые скифского типа стрелы, в обычно принятой типологической классификации, едва доходят до рубежа х. э.⁴ Этому общепринятому хронологическому принципу не противоречат находки в Средней Азии, более того — в ближайших к нашему могильнику районах в это время уже применялись черенковые, сравнительно массивные стрелы. Архаична и керамика, особенно кувшинообразные сосуды, опять же характерные в среднеазиатских условиях для времени до х. э. Остальная керамика, как мы показали выше, не находится в противоречии с общей массой датированных вещей, т. е. относится тоже к рубежу х. э.

На несколько более позднюю дату как будто указывают украшения с инкрустацией. Однако, в наших образцах и в находках Гейкеля мы имеем весьма неразвитую форму применения техники инкрустации, ограниченную еще только медальонными образцами и еще не составляющими сложной комбинации узоров или замысловатых сюжетов, подобно вещам развитого варварского стиля III—V вв. х. э. на территории Средней Азии и Казахстана (Боровое, Кош Агач). Несколько примитивная техника изготовления инкрустированных вещей заста-

¹ 金石索 тетрадь II. Ср. *Archaeologia Orientalis*, т. III, Tokyo, 1933, рис. 25.

² С. Trever, *Excavations in Northern Mongolia*, Leningrad, 1928.

³ А. Бернштам, Гуньский могильник Ноин-ула и его историко-археологическое значение. *Известия ООИ АН*, № 4, 1937. В этой статье см. литературу по упоминаемым выше находкам.

⁴ Б. Граков, Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов, *Труды РАНИОН*, т. V, Секция Археологии, 1930, стр. 70—90.

вляет нас относить их к наиболее ранним образцам, находимым на этой территории, к зародышевым формам этого ювелирного приема, быть может, к начальному этапу его возникновения. Нельзя не отметить, что характер инкрустации предметов из Кенкольского могильника ближе всего к характеру инкрустированных вещей из Ноин-улы. Здесь, как и там, ханьская ткань сочетается с золотыми, украшенными инкрустацией предметами. Нельзя не придать значения и этому весьма не случайному совпадению.

Сочетание в одних и тех же катакомбах явлений, казалось бы, архаичных с более поздним (стрелы скифского типа и черенковые, архаическая керамика и инкрустация), как бы уравнивает возможную амплитуду колебания датировки культуры Кенкольского могильника, приближая его к рубежу х. э. Вместе с тем найденный в могильнике инвентарь свидетельствует, во-первых, о скрещении в нем культуры дальневосточной с среднеазиатской, а во-вторых, о переходном этапе от культуры архаического типа к совершенно новым культурным явлениям.

Для того, чтобы установить датировку могильника и выяснить происхождение его культуры, обратимся к следующим вышеотмеченным трем явлениям. Бросается в глаза прежде всего отличный от местного населения расовый тип погребенных. Незачем останавливаться на таких явлениях, как деформация черепа, — прием, местному населению в это время неизвестный. В самом деле, по данным палеоантропологии, Среднюю Азию в эпоху на рубеже х. э. заселяли племена памиро-ферганского расового типа. Таковы результаты антропологического исследования материала усуньских погребений, Берккаринского могильника, могильников сакского времени под Ташкентом.

В эту среду памиро-ферганского расового типа вклинивается серия Кенкольских монголоидных черепов, аналогией которым являются черепа из Лоу-лани (Восточный Туркестан), черепа из Ноин-улянского кургана (Монголия) и тунгусо-маньчжурские черепа (Маньчжурия).

Нельзя не видеть в этом явлении факта иноземного происхождения племени, оставившего Кенкольский могильник, что связано с проникновением на территорию Средней Азии новых, восточного происхождения расовых элементов, вошедших в тесный контакт с местным населением, о чем ясно говорят явления расовой метизации.

С другой стороны, к тем же результатам приводит и сравнение вещественных памятников. Начнем хотя бы с устройства

погребального сооружения. Ближе к типу катакомбы будет деревянный сруб в Ноин-улинском кургане, чем грунтовые могилы таласских или чуйских курганников сарматского времени. Важное место занимают вещи дальневосточного происхождения. Инвентарь отличен от произведений местного ремесла, не только по материалу, но и по технике изготовления и по форме. Вместе с тем характерно, что некоторые деревянные чаши из катакомбы аналогичны по форме местным глиняным чашам; наличествует также применение техники инкрустации и зерни.

Другими словами, в культуре Кенкольского могильника мы наблюдаем наряду с чуждыми, привнесенными явлениями явные следы ассимиляции их с культурными элементами среднеазиатского происхождения. Все эти факты, на наш взгляд, вполне объяснимы, если раскопанный нами могильник рассматривать как памятник времени проникновения гуннов на территорию Средней Азии. Последнее утверждение помогает нам понять некоторые исторические сведения китайских источников о северных гуннах.

Согласно этим историческим сведениям, в 55 году, после раскола гуннов на южных и северных, северные гунны под предводительством их князя-шаньюя Чжи-чжи откочевали в северную Монголию и северную часть Восточного Туркестана, не желая подчиняться Китаю.¹ Под давлением китайских войск и окружающих их соседей они были вынуждены перейти Тянь-шань и войти в договорные отношения с дружественными племенами кан-гюй, которые дали им в своих восточных владениях территорию для кочевий, а кан-гюйский владыка отдал в жены Чжи-чжи свою дочь. Опасаясь возможной роли Чжи-чжи, как организатора сопротивления варварской периферии Китаю, правительство Китая организует против Чжи-чжи военный поход.² На реке Ду-лай, отождествляемой Гроотом,³ а за ним Говэрном с рекою Талас,⁴ китайские полководцы Гань Янь-шоу и Чэнь Тан в 36 г. до х. э. разбивают дружины Чжи-чжи, самого Чжи-чжи убивают, и голову его препровождают в столицу Китая. В биографии Чэнь Тана подробно описывается местоположение ставки Чжи-чжи, совпадаю-

¹ Приводимые исторические факты нашли свое отражение в нашей статье «Из истории гуннов I в. до х. э.» (печатается в сборнике «Советское Востоковедение» 1).

M. Govern, *The Early Empires of Central Asia*, The University of North Carolina Press, 1939.

³ De Groot, *Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens*, Berlin-Leipzig, 1921—1926.

⁴ M. Govern, *ук. соч.*, стр. 191.

щее с географическим ландшафтом верховья р. Талас, где находится и Кенкольский могильник.¹ Таким образом, уже в середине I в. до х. э. мы имеем первое массовое проникновение гуннов в Среднюю Азию.² Второе массовое проникновение гуннов мы относим к концу I в. х. э. к 87—91 г., когда гунны, разбитые племенами сяньби и китайским полководцем Доу Сянем, бежали на территорию Средней Азии.³ С этим вторым движением гуннских племен связывали свое происхождение племена юе-бань (в южном Прибалхашьи).⁴ Наконец, в начале II в., в эпоху Хоянь-князя, в третий раз гунны проникают в Среднюю Азию, когда они, по свидетельству китайского чиновника Чжан Дана, распространили свою власть от Баркуля до Каспийского моря.

Перечисленные факты дают возможность утверждать, что процесс ассимиляции кочевников Средней Азии с гуннами имел место неоднократно, и что он происходил в период времени от середины I в. до х. э. и до первой половины II в. х. э. Видимо, со времени последней даты происходит дальнейшее движение гуннских орд на запад, о чем свидетельствуют самые ранние упоминания о гуннах у западных авторов.⁶ Как видно из вышеизложенного, эти исторические сведения целиком согласуются с археологической датировкой могильника, подтверждают также правильность привлечения при датировке аналогичных материалов, далеких иногда по территориальному происхождению. В эпоху движения гуннов самые разнообразные, далеко друг от друга отстоящие народы и племена имели возможность культурного общения и взаимодействия.

¹ Цянь-Хань-шу, гл. 70, л. 9. (изд. 1836 г.).

Подчеркиваем массовое, ибо появление гуннов на территории Средней Азии могло иметь место со времени военных походов Мао-дуня, т. е. с конца III в. до х. э.

³ Хоу-Хань-шу, гл. 119.

⁴ F. Hirth, Ueber die Wolga-Hunnen und Hiung-nu, SPAW, München, 1889. О племени юе-бань см. Вэй-шу, гл. 102.

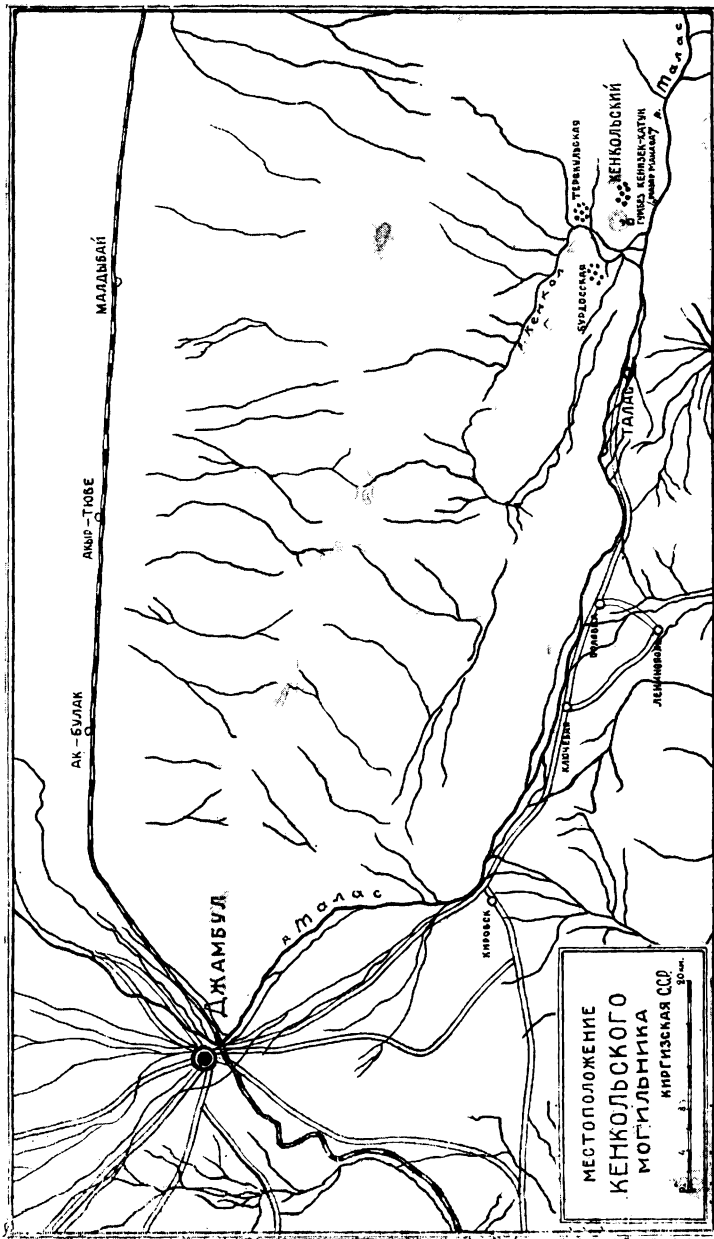
⁵ Хоу-Хань-шу, гл. 78, л. 2

Ср. указания китайских источников о том, что гунны еще в I в. до х. э. переселили 6.000 жителей Пу-лей Баркуля в западно-гуннский аймак (匈奴右部 (в страну Э-у) 阿惡地) и назвали его княжеством Э-у—Хоу-Хань-шу, гл. 78, л. 116. Таким образом, еще в первом веке имелись уже западные аймаки гуннов. Как известно, китайцы обычно разделяли гуннов только на южных и северных. Наиболее ранние упоминания гуннов у западных авторов см. у Дионисия Периегета (160 г. х. э.), Кд. Штоломея (175—182 г.). Сводку этих известий см. напр., Am. Thierry, Histoire d'Attila et de ses successeurs. Paris, 1856, стр. 7.

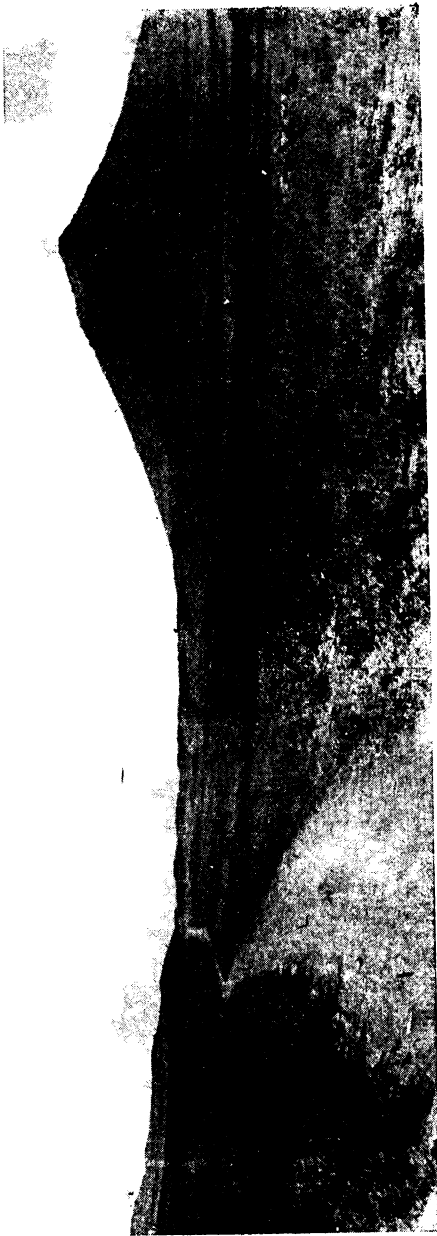
Несомненно, что Кенкольский могильник принадлежит к числу тех культурных явлений, возникновение которых связано с развитием гуннского племенного союза. Метизированный антропологический тип и синкретизм культурных явлений прекрасно отражает тот «аморфный конгломерат племен», который представлял собой гуннский военно-демократический союз племен. Естественно, что этим определяется значение Кенкольского могильника для истории гуннов как раз на самом темном этапе их истории, в начале движения гуннов на запад

Вместе с тем следует отметить и другое весьма важное значение могильника для истории народов Средней Азии. В могильнике представлены те наиболее древние для этих районов Средней Азии антропологические черты, которые характерны для современного расового типа тюркоязычного населения Средней Азии, — монголоидность.

В Кенкольском могильнике установлен ряд культурных явлений, идентичных культуре кочевников недавнего прошлого, — казахов и киргизов, свидетельствующих таким образом об историко-культурном родстве ряда тюркских народов с племенами, жившими на территории Семиречья на рубеже х. э., — факт немаловажный для понимания этногенеза народов Средней Азии. Этими двумя фактами определяется историко-культурная ценность Кенкольского могильника.

Карта Таласской долины

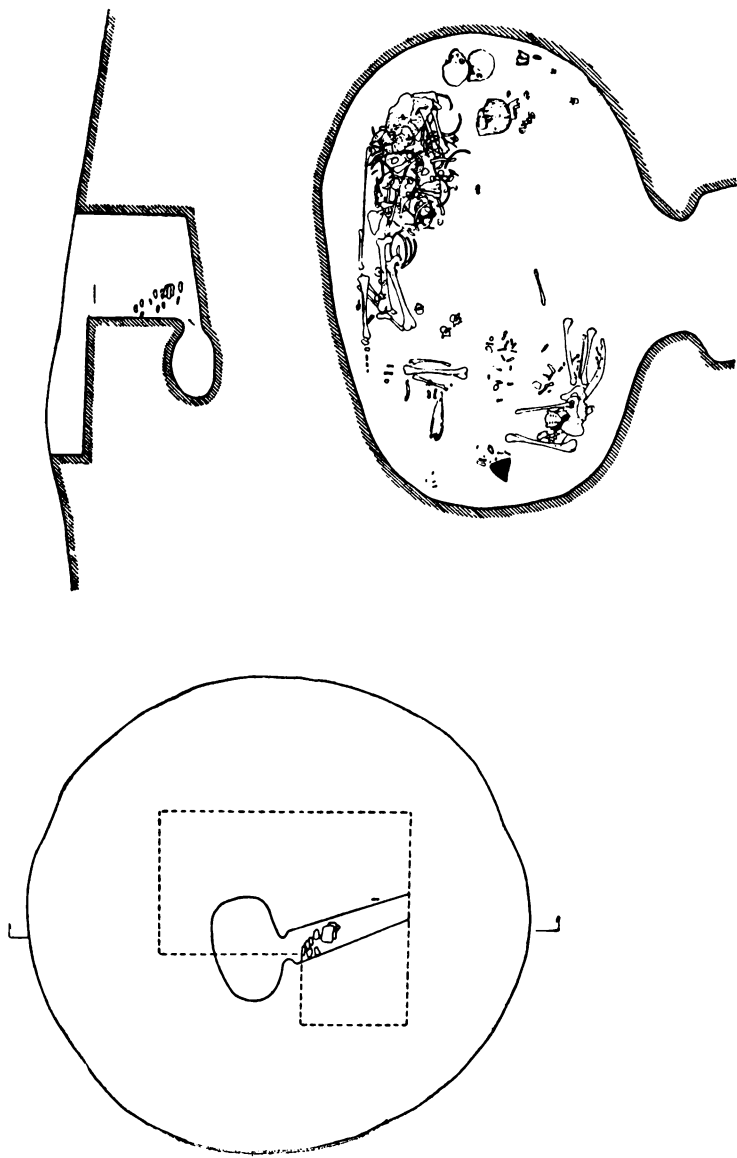

Гора Манас-супа и Кенгольский могильник

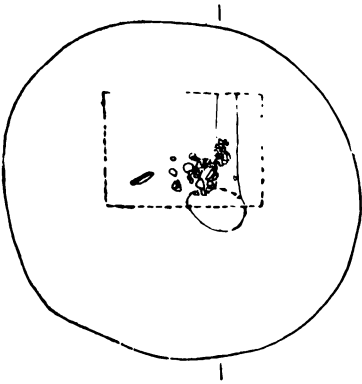

Кенкольский могильник после раскопок

IV

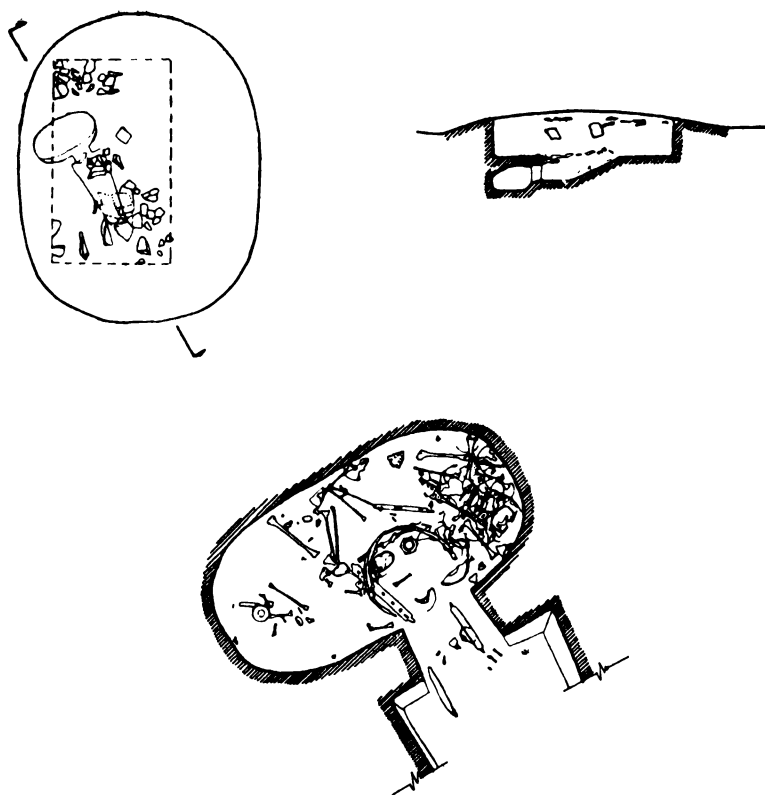

Планы и разрез кургана № 2

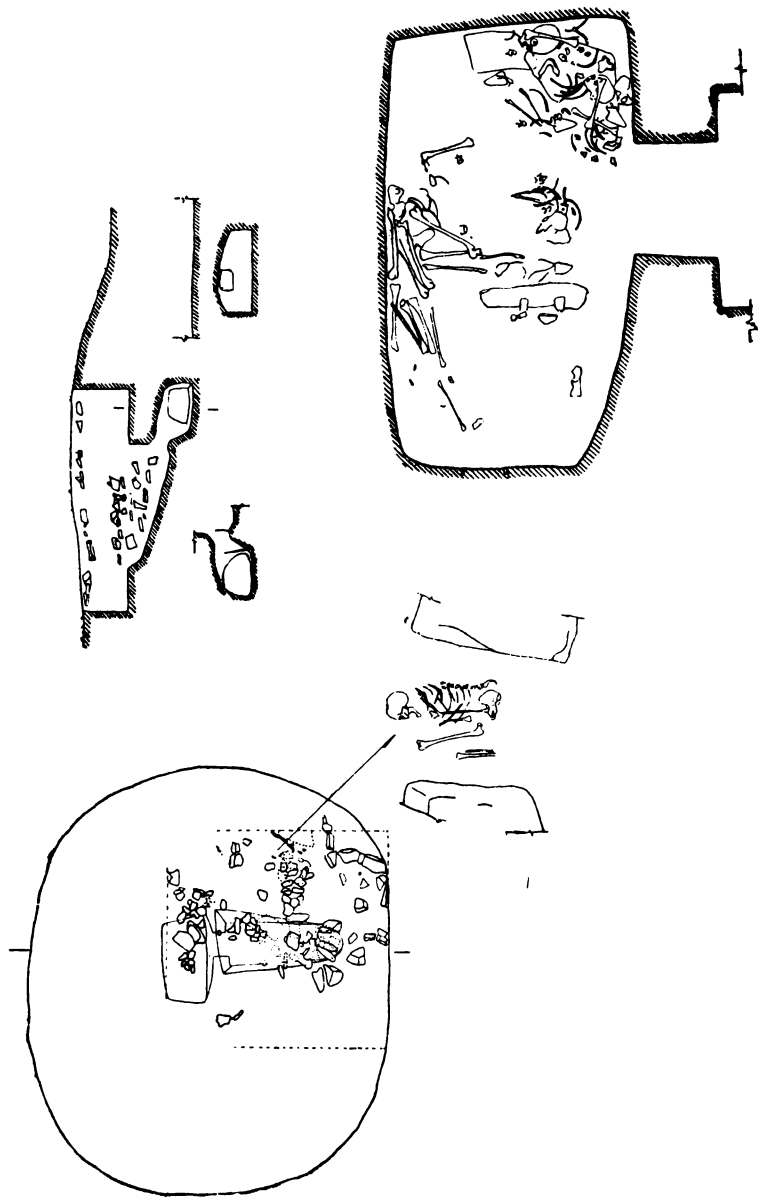

Планы и разрез кургана № 5

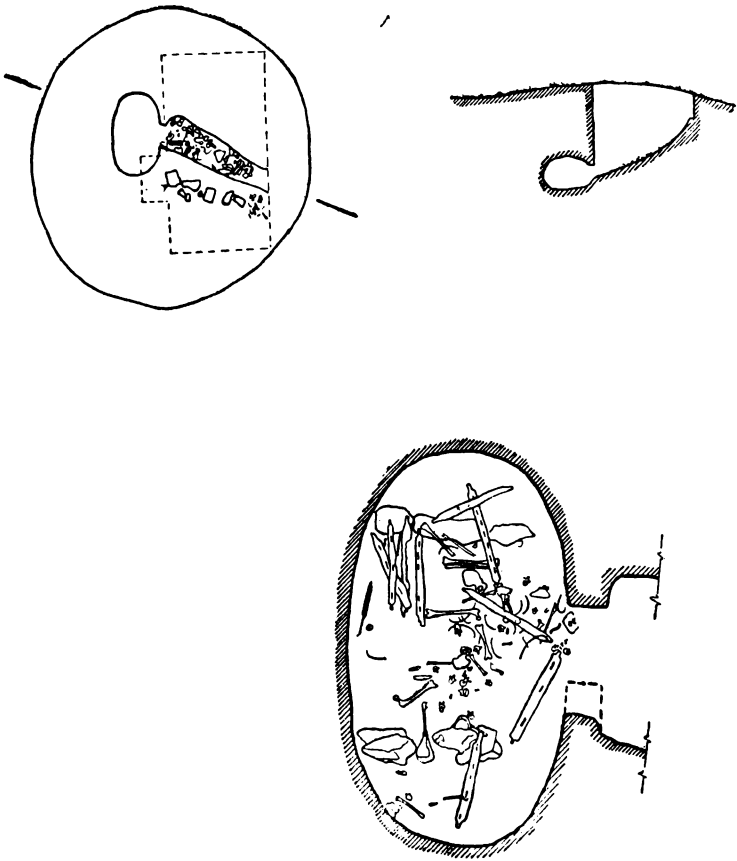
VI

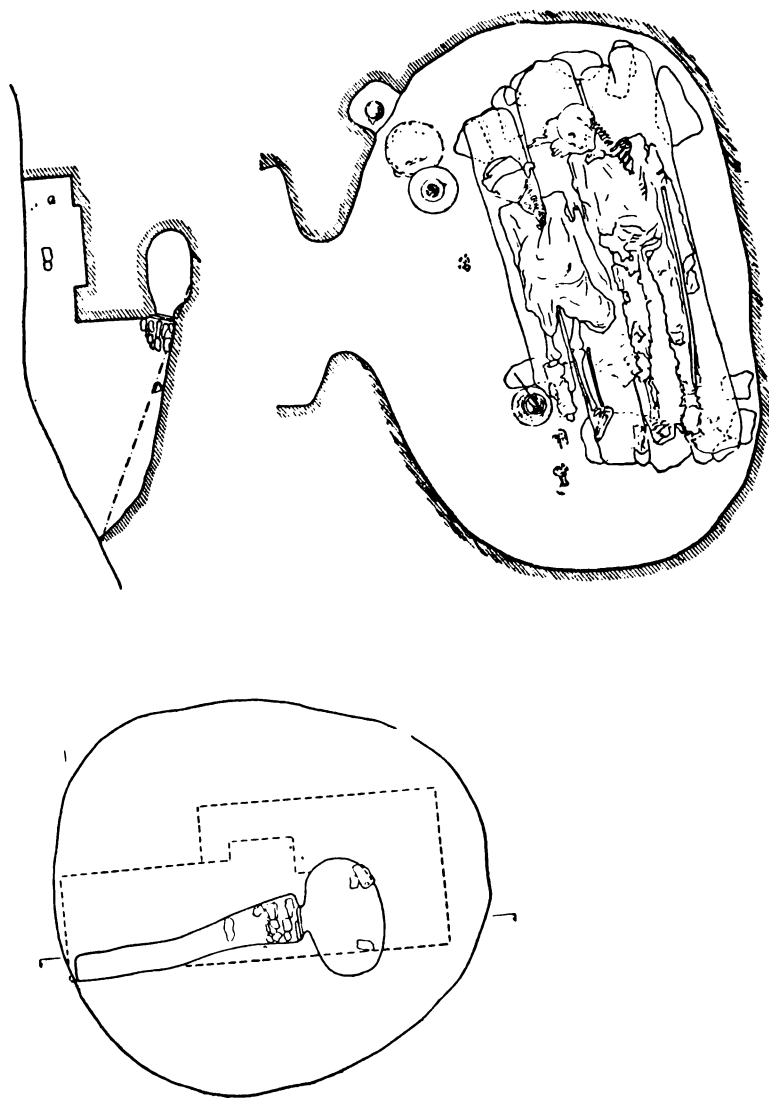
Планы и разрез кургана № 6

Планы и разрез кургана № 7

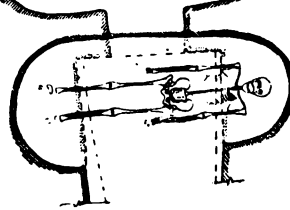
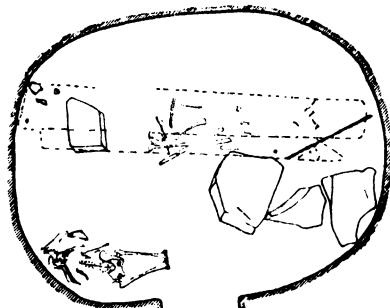
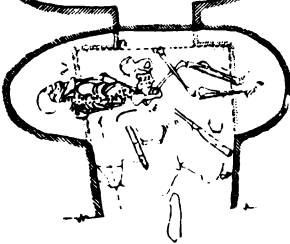
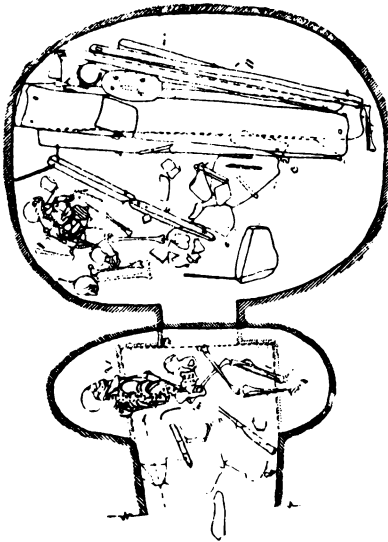
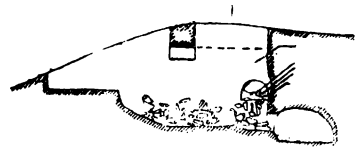
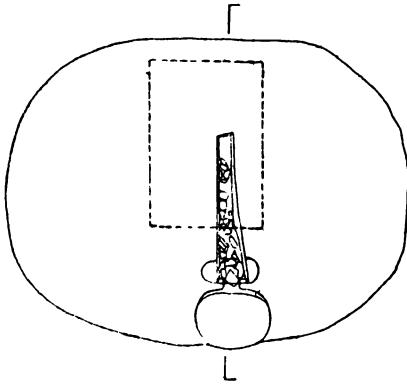

Планы и разрез кургана № 8

Планы и разрез кургана № 9

X

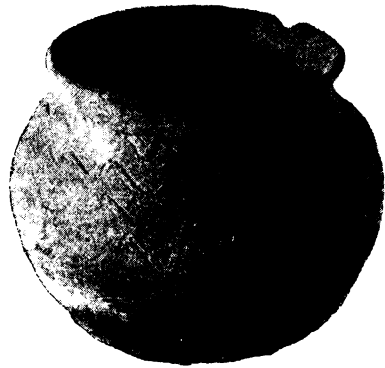
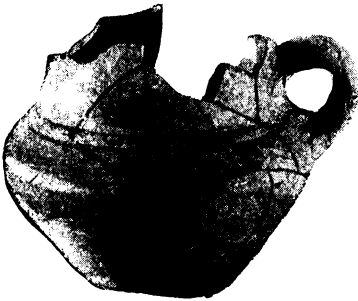
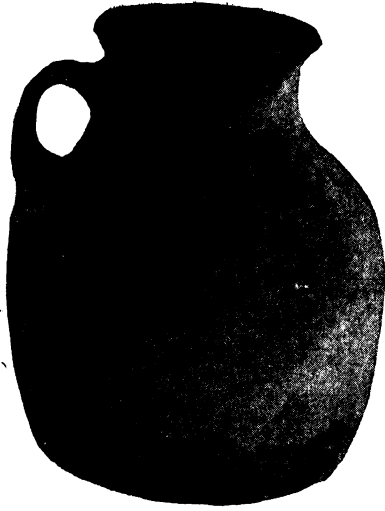
Планы и разрез кургана № 10

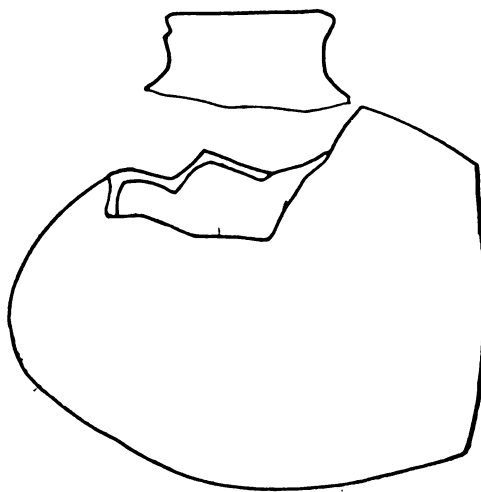
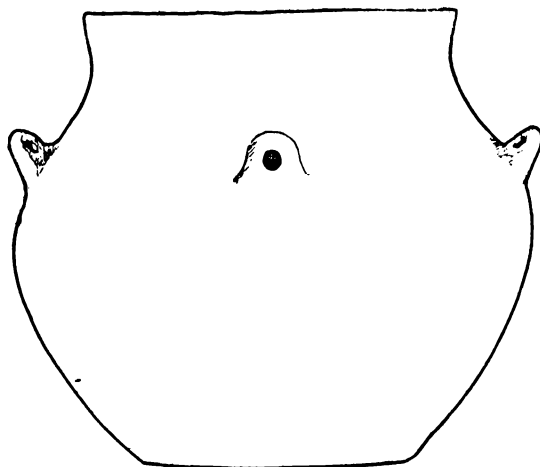
Вход в катакомбу № 9

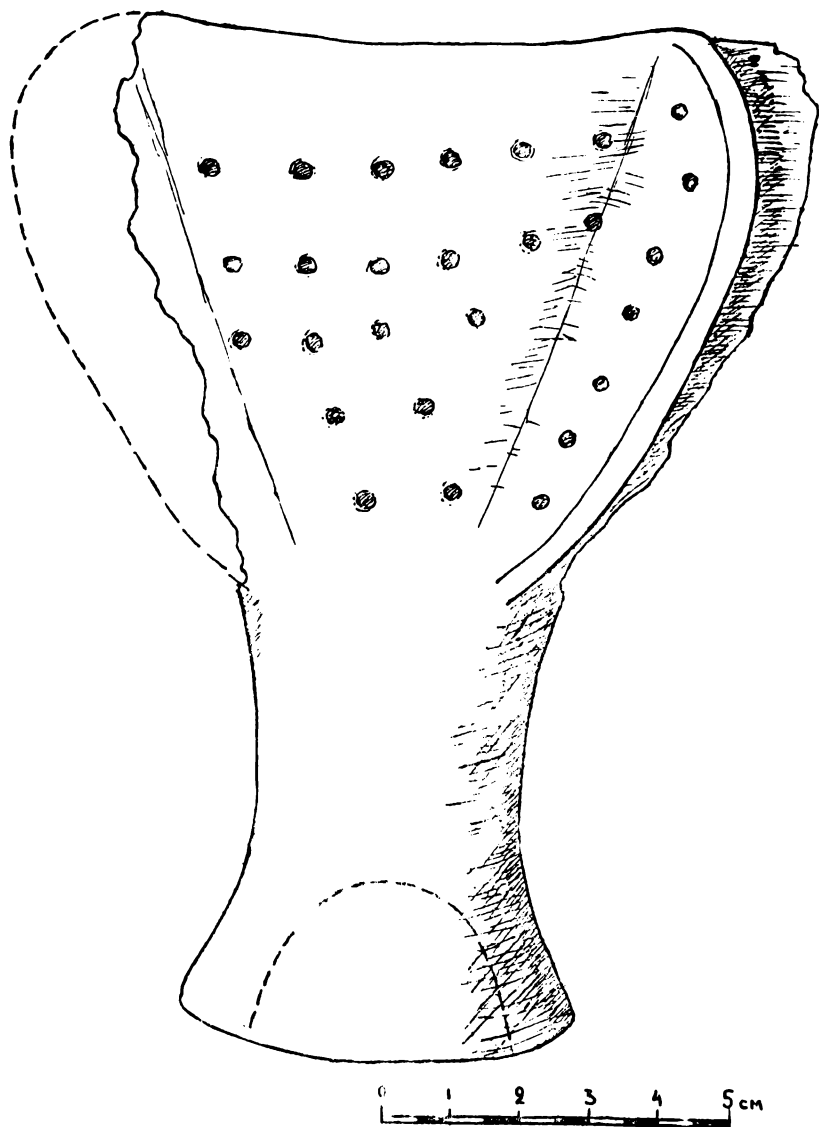
Каменные выкладки в насыпи кургана № 7

Типы керамических изделий.
Катакомбы № 6, 9 и 10

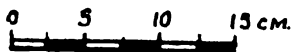
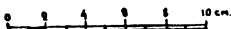
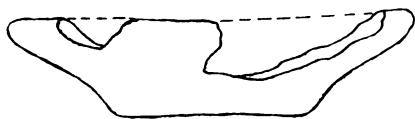
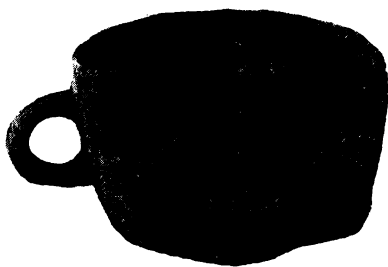
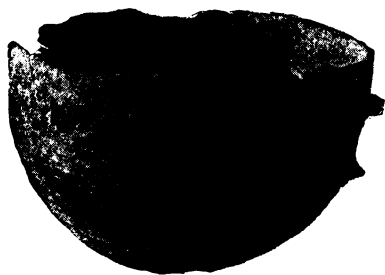

Типы кочевнической керамики.
Катакомбы № 10 и из раскопок 1938 г.

Курьявица.
Катакомба № 7

XVI

Изделия из дерева.
Кубки и блюда.
Катакомбы № 2, 5, 6,
9 и 10

Деревянное блюдо.
Катакомба № 9

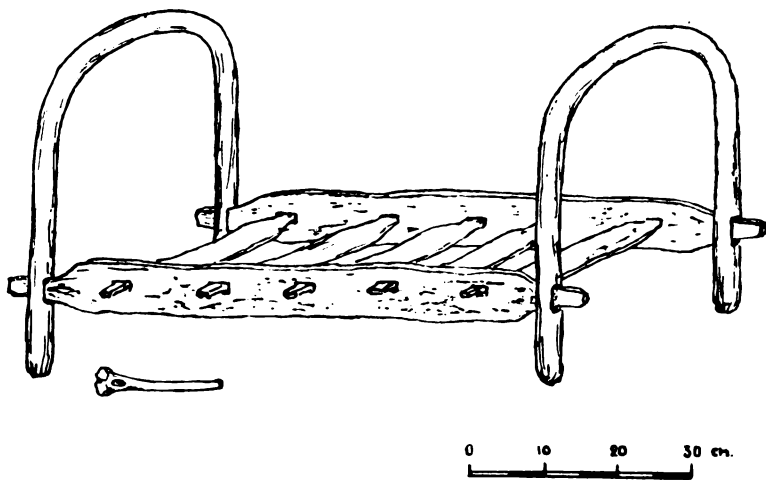

Деревянный столик для изготовления мучной пицци.
Катакомба № 10

Деталь плоского столика.
Катакомба № 8

XX

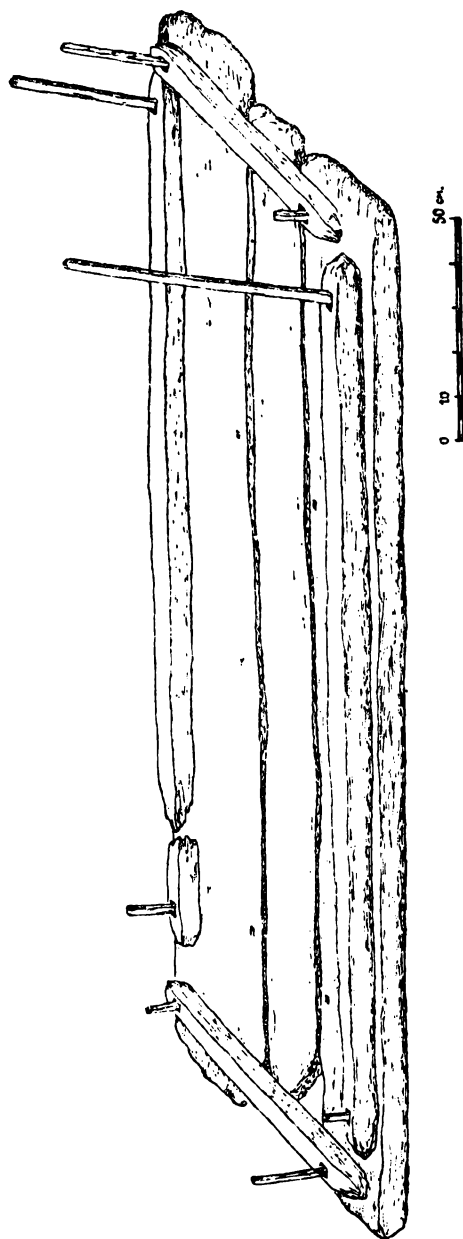

Детская колыбель (реконструкция) и костяной сумаг.
Катакомба № 6

XXI

Костяной сужак.
Катакомба № 6

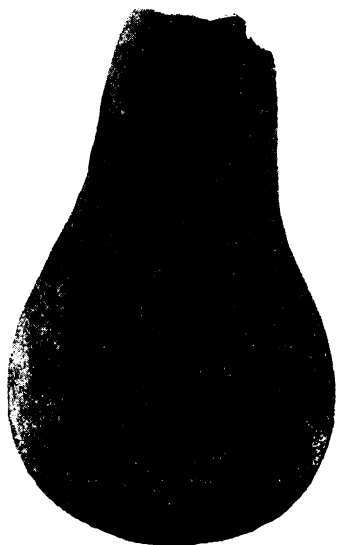
Ложe из арчевых досок.
Катакомба № 10

Деревянный гроб.
Раскопки 1938 г.

Фрагменты плетеной корзинки.
Катакомба № 10

Тыквенный сосудик.
Катакомба № 9

Рукоять тесла типа средневекового чота.
Каталожба № 10

XXVI

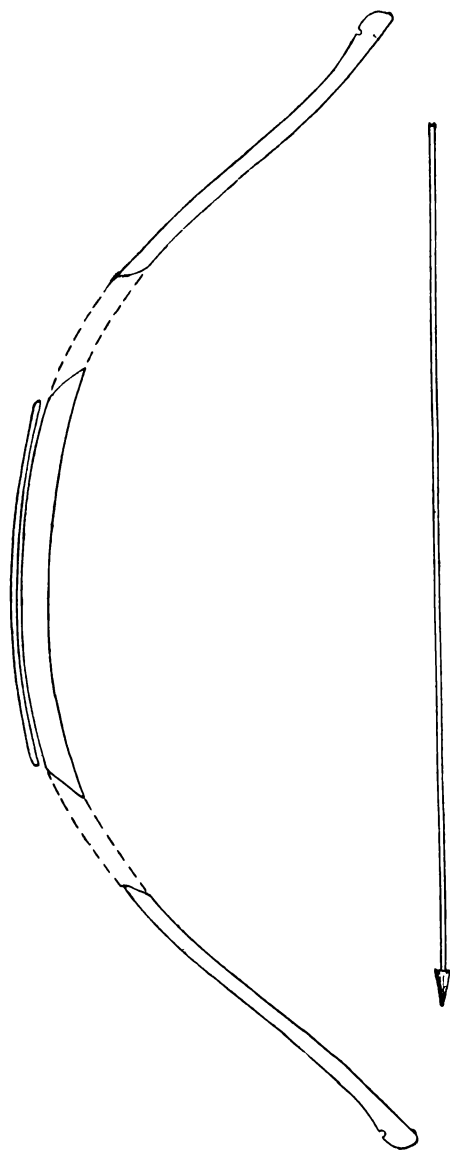

Лука село.
Сатаномба № 2

Костяные обкладки лука.
Катакомба № 10

XXVIII

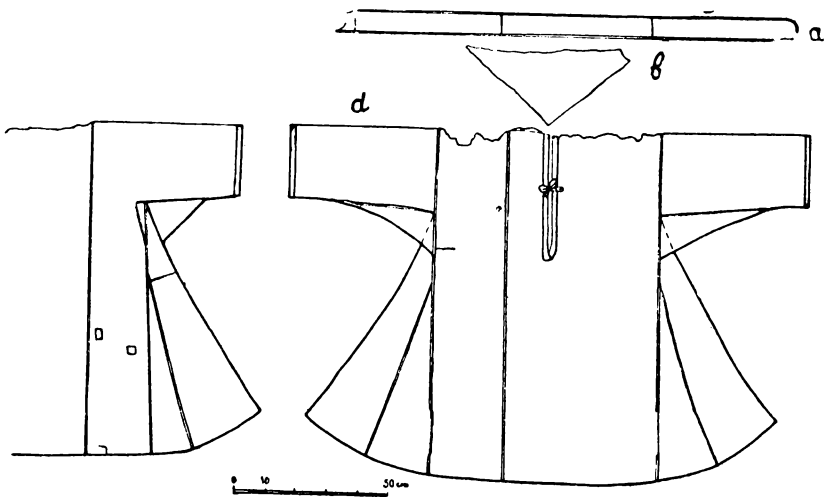
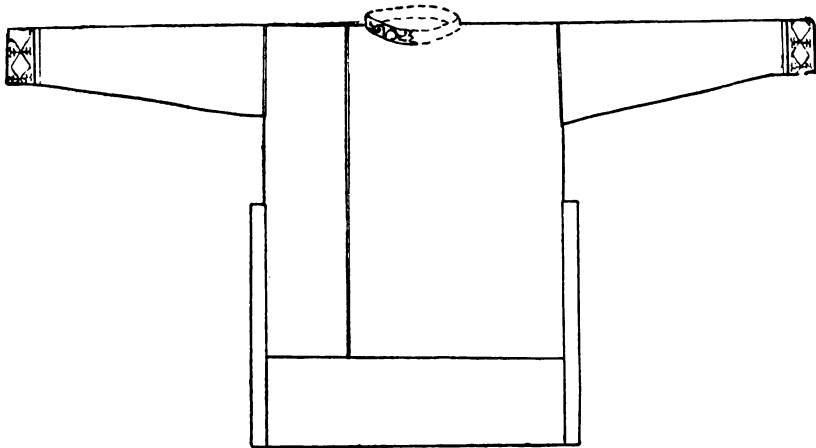
Лук и стрела.
Катакомба № 2

Костяные наконечники стрел.
Катакомбы № 5 и 7

Костяки из катакомбы № 9 с остатками одежды. До разборки

Одежда мужчины и женщины: *a* — головная повязка, *b* — повязка с лица, *c* — вид женской одежды сзади, *d* — вид женской одежды спереди.
Катакомба № 9

XXXII

Реставрированная одежда женщины.
Катакомба № 9

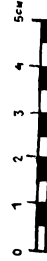
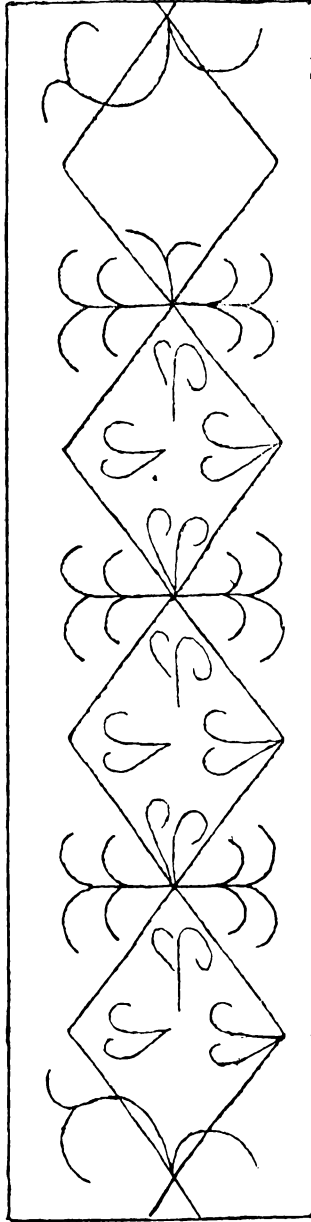
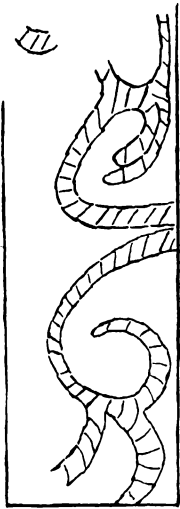
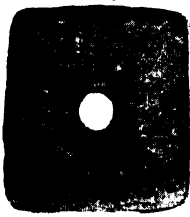

Схема орнамента вышивки на мужской одежде.
Катакомба № 9

XXXIV

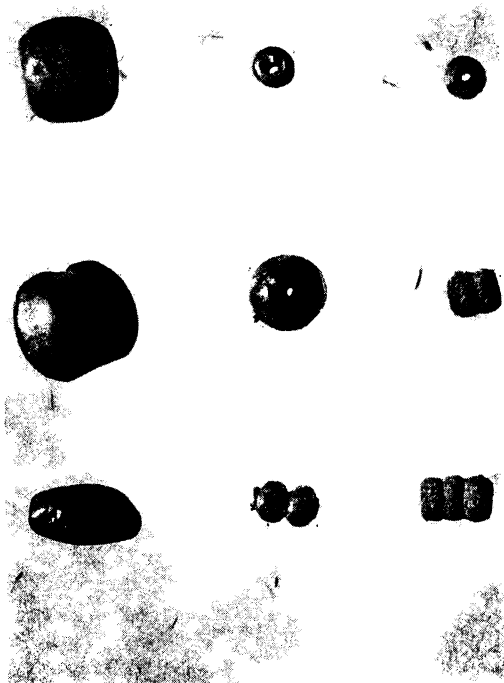

Веретено.
Катакомба № 9

Прясла.
Катакомбы № 5, 7, 10

Бусы.
Катакомбы № 2, 7, 9, 10

СПИСОК ТАБЛИЦ

- I. Карта Таласской долины с указанием местоположения Кенкольского могильника
- II. Гора Манас-супа и Кенкольский могильник
- III. Кенкольский могильник после раскопок
- IV. Планы и разрез кургана № 2
- V. Планы и разрез кургана № 5
- VI. Планы и разрез кургана № 6
- VII. Планы и разрезы кургана № 7
- VIII. Планы и разрез кургана № 8
- IX. Планы и разрез кургана № 9
- X. Планы и разрез кургана № 10
- XI. Вход в катакомбу № 9
- XII. Каменные выкладки в насыпи кургана № 7
- XIII. Типы керамических изделий. Катакомбы № 6, 9, 10
- XIV. Типы кочевнической керамики. Катакомба № 10, а также из раскопок 1938 г.
- XV. Курильница. Катакомба № 7
- XVI. Изделия из дерева. Кубки и блюда. Катакомбы № 2, 5, 6, 9 10
- XVII. Деревянное блюдо. Катакомба № 9
- XVIII. Деревянный столик для изготовления мучной пицци. Катакомба № 10
- XIX. Деталь плоского столика. Катакомба № 8
- XX. Детская колыбель (реконструкция) и костяной сумак. Катакомба № 6

- XXI. Костяной сумак. Катакомба № 6.
XXII. Ложе из арчевых досок. Катакомба № 10
XXIII. Деревянный гроб. Раскопки.
XXIV. а. Фрагменты плетеной корзинки. Катакомба № 10
б. Тыквенный сосудик. Катакомба № 9
XXV. Рукоять тесла типа среднеазиатского чота. Катакомба № 10
XXVI. Лука седла. Катакомба № 2
XXVII. Костяные обкладки лука. Катакомба № 10
XXVIII. Лук и стрела. Катакомба № 2
XXIX. Костяные наконечники стрел. Катакомбы № 5, 7
XXX. Костяки из катакомбы № 9 с остатками одежды. До разборки.
XXXI. Одежда женщины и мужчины. а. Головная повязка. б. Повязка с лица. с. Вид женской одежды сзади. d. Вид женской одежды спереди. Катакомба № 9.
XXXII. Реставрированная одежда женщины. Катакомба № 9
XXXIII. Схема орнамента вышивки на мужской одежде. Катакомба № 9
XXXIV. Веретено. Катакомба № 9
XXXV. Прясла. Катакомбы № 5, 7, 10
XXXVI. Бусы. Катакомбы № 2, 7, 9, 10

Проверено 1941

Редактор *К. В. Тревел*
Техн. ред. *Ф. Ф. Нотифт*
Сд. в произв. 15:IV 1940 г.
Подп. к печати 7:XI 1940 г.
4½ печ. л. 62x94¹/₁₆ 2 уч. авт. л.
Тираж 1.000: М—28912.

Текст набран и отпечатан в 4-й типографии
Ленпартиздата им. Григорьева, Ленинград, Глаздовая, 7.
Таблицы изготовлены
тип. им. Ивана Федорова,
Ленинград, Звенигородская, 11.